

ДЕТЕКТИВ-**Н**ОСТАЛЬГИЯ

Мартбет обнаженной

Полное
погружение
в атмосферу
эпохи 80-х

Геннадий СОРОКИН

Детектив-ностальгия

Геннадий Сорокин
Портрет обнаженной

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сорокин Г. Г.

Портрет обнаженной / Г. Г. Сорокин — «Эксмо»,
2021 — (Детектив-ностальгия)

ISBN 978-5-04-118321-9

1986 год. Сибирь. Компания молодых художников организовала праздничное застолье. Вечер обещал быть ярким: ребята и девушки одержимы творчеством, веселы, влюблены друг в друга... Но в самый разгар праздника случилась трагедия: хозяйку квартиры нашли в соседней комнате с ножом в груди. Следователь Андрей Лаптев не сомневается: убийца – кто-то из участников вечеринки, ведь посторонних в квартире не было. Но кто же совершил такое жуткое преступление? Лаптев решает реконструировать события злополучного вечера, надеясь выявить убийцу с помощью одной не приметной детали...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118321-9

© Сорокин Г. Г., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Геннадий Сорокин Портрет обнаженной

Иллюстрация на переплете *Алексея Дурасова*

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

© Сорокин Г.Г., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1

Собачку звали Тотоша. Она была такая маленькая, что ее не боялись даже голуби. Когда Тотоша, забавно гавкая, подбегала к сизарям, те делали вид, что не замечают ее. Но стоило Тотоше потерять бдительность и приблизиться к птицам вплотную, как голуби набрасывались на нее всей стаей и клевали собачонку до тех пор, пока она с жалобным визгом не убегала под защиту хозяйки. Тотоша была девочкой, то есть собачкой женского рода. Назвать такую кроху «сукой» или даже «сучкой» язык не поворачивался. Почему хозяйка Тотоши дала собачке мужское имя, я не знаю.

Голуби в нашем дворе боялись хозяйки Тотоши, старухи Милены. При ее приближении они, как по команде, срывались с места и разлетались кто куда.

– Андрей, – нашептывала мне пенсионерка Маркелова с первого этажа, – правду тебе говорю: у Милены черное сердце, вот голуби и боятся ее.

– Не слушай ты эту старую перечницу! – опровергал Маркелову дядя Вася, крепко пьющий мужик, мой сосед по этажу. – Слышал я от одного знающего человека, что голуби чувствуют того, кто хоть раз в жизни ел голубиное мясо. Старуха Милена в войну под немцами была, голодала, вот голуби и боятся ее. Ты, Андрей, попробуй поймай голубя, съешь его, и тебя сизари начнут бояться.

– Спасибо, дядя Вася! – со смехом отвечал я. – У меня зарплаты на нормальную еду хватает.

Старуха Милена жила на первом этаже нашего общежития. Меня она старалась не замечать и здоровалась, только если мы сталкивались на входе или в коридоре общежития. Одевалась Милена непритязательно: длинная однотонная юбка, застегивающаяся наглухо блузка, на голове – старомодный берет. Раз в году, первого сентября, старушка преображалась: надевала свои лучшие вещи и шла в ближайшую школу на «Первый звонок». Там она вставала позади родителей первоклассников и, утирая платочком скупые старческие слезы, слушала приветственные выступления директора школы, учителей и представителей шефских коллективов. Как только мероприятие заканчивалось, Милена возвращалась домой и вновь становилась нелюдимой отшельницей, из всех живых существ на свете любящей только собачку Тотошу.

Первого сентября 1986 года Милену обокрали. Пока она была на школьной линейке, воры забрались к ней в комнату через окно, набили вещами хозяйственную сумку и скрылись, прихватив с собой и Тотошку. В этот день я не был ответственным по райотделу, на место происшествия меня никто не посылал, но, так как кража была совершена в моем общежитии, я не мог остаться безучастным. Отставив все дела, я позвал с собой Айдара и поехал вслед за следственно-оперативной группой. Старуха Милена поджидала меня на крыльце. Едва я подошел к дому, как она бросилась ко мне и упала на колени.

– Андрей Николаевич, Андрюшенька! – запричитала она на глазах у изумленных жильцов. – Христом богом прошу тебя, найди воров! Они ведь Тотошеньку мою унесли, сиротой меня оставили. Андрюша, что хочешь тебе отдам, найди мою доченьку, не дай мне помереть в одиночестве.

Я как мог успокоил старушку и занялся расследованием кражи. Воров мы нашли на другой день. Один из них, Грач, жил в соседнем общежитии, а другой, Жбан, только что освобожден.

– Куда собачку дели? – спросил я Грача.

– В колодец выбросили, – весело ответил молодой воришка. – Там дело вот как было. Хату я высмотрел, а залезть в нее Жбан предложил. Мы дождались, пока старуха уйдет. Я через форточку забрался в комнату, стал складывать вещи, тут собачка подбежала и сама запрыгнула

в сумку. Я ее выгнал, а она опять в сумку прыгнула. У меня времени возиться с ней не было, и я передал сумку Жбану. По пути собачка начала тявкать, внимание привлекать. Жбан высмотрел открытый колодец и бросил ее туда. Если надо, я покажу где.

– Андрей, ты бы сходил погулял, – предложил мне Иван Горбунов, здоровенный опер под два метра ростом. – Грач нам сказочки рассказывает, себя выгораживает. Ты выйди ненадолго, а мы с ним *по-другому* поговорим, он разом вспомнит, зачем собачонку украл.

– Не-не, не надо! – запротестовал Грач. – Я так расскажу. Нам один хмырь пообещал, что он собачку для своей дочери купит, а когда мы ее принесли, то платить отказался. Жбан психанул и сбросил ее в открытый люк.

– Садизм какой-то, – помрачнел я. – Тотоша как игрушечная была, зачем же ее убивать? Не смогли продать, так отпустили бы.

– Я же говорю, Жбан психанул и бросил ее в колодец. Я тут не при делах, с него весь спрос.

Вечером мне пришлось встретиться со старухой Миленой. Я решил не огорчать ее и сказал, что воры отпустили Тотошу в другом микрорайоне и скоро она обязательно найдется. Не знаю, чем бы эта история закончилась, но все испортил участковый Бирюков, сорокапятилетний майор, всю жизнь проработавший на одном участке. Он по своей инициативе зашел к Милене и рассказал всю правду про Тотошу. Старушка наняла за бутылку соседа, тот спустился в колодец, поднял мертвую собачку. Милена оплакивала ее два дня, потом похоронила на пустыре за гаражами. Ко мне старушка пришла на третий день.

– Андрей Николаевич, вы – лжец, подлый, бесчестный человек, – холодно и жестко заявила она. – Негодяи убили беззащитное существо, а вы, вы...

Милена заплакала и ушла к себе на этаж. Если бы после нее ко мне заглянул Бирюков, я разорвал бы его на куски.

– Проклятый правдолюбец! – рычал я, нарезая круги по комнате. – Из-за него на меня вся общага теперь будет косо смотреть. Никто же не станет разбираться, в чем я виноват. Станут за моей спиной перешептываться: «Из-за него Тотоша погибла. Нашли бы воров в тот же день, жива была бы собачонка».

Утром после развода я спустился в кабинет к участковым инспекторам милиции.

– Валерий Петрович, – обратился я к Бирюкову, – объясните, из каких побуждений вы решили вмешаться в проведение следственных действий? Кто вам позволил разглашать потерпевшей показания подозреваемых?

– Мне, чтобы работать с населением на участке, разрешения никакого не требуется, – высокомерно ответил Бирюков. – Тем более перед тобой, заместителем начальника уголовного розыска, я отчитываться не собираюсь.

– Валерий Петрович, вы не забыли, что потерпевшая со мной в одном общежитии живет? Как я теперь ей в глаза смотреть буду? Я ведь не просто так от Милены скрыл, что ее собачку убили. Это животное было для старушки дороже всего на свете.

– Дороже всего на свете – правда, – парировал участковый. – Она меня спросила, когда найдут собачку, я ответил, что искать уже некого. Я что, врать ей должен был?

Еле сдерживая себя от злости, я не стал спорить и ушел к себе.

Вечером того же дня старуху Милену нашли повешенной у себя в комнате. Мудрить с петлей у потолка она не стала – накинула веревку на трубу отопления и присела на пол в последний раз.

Прошла еще пара дней, и между мной и Бирюковым вновь вспыхнул спор.

– Ты намекаешь, что старушка вздернулась из-за меня? – начал заводится участковый. – Да плевать я на нее, тварь, хотел! Ты знаешь, что она из дворян? Ее родители до революции помещиками были.

Я, не задумываясь, ответил:

– По нынешним временам дворянское происхождение скорее плюс в биографии, чем позорное пятно. Нынче каждый у себя дворянские корни ищет.

– Ах, так? – покраснел Бирюков. – Дворяне, значит, это хорошо? А в фашистских холуях ходить тоже не зазорно? Муж у Милены полицаем был! Как только немцы пришли, так он тут же повязку на руку нацепил и стал гитлеровцам прислуживать.

– А Милена чем занималась?

– В начальной школе учительницей работала. Немцы не стали школы закрывать, вот она и старалась...

Бирюков сбился с мысли и замолчал, не зная, как найти связь между работой в школе и пособничеством оккупантам.

– Валерий Петрович, как я понял, сама Милена в полиции не служила, подпольщиков не разоблачала, так в чем ее вина? В том, что мужу-полицаяу портянки стирала и щи варила?

– Это еще не все! – воспрянул духом участковый. – После того, как партизаны ее мужа казнили, у Милены в доме немецкий офицер жил. Она, тварь, подстилка гитлеровская, его по ночам ублажала, а ты за нее заступаешься!

– Я, Валерий Петрович, тоже кое-какие справки навел. Милена после войны десять лет отсидела за пособничество нацистам, так что она свою вину искупила.

– Никогда это фашистское отродье свою вину не искупит! Пока наши отцы и деды на фронтах гибли, она немцам тыл обеспечивала. Нет ей прощения, и не будет! Ее после войны расстрелять надо было, а она всего десяткой отделалась. Будь моя воля, я бы их, фашистских прихвостней, сам лично всех под корень извел.

– Валерий Петрович, кто вам не давал получить в дежурной части пистолет и застрелить Милену или вы только на словах герой? «Я» да «я»! На словах все горазды, а как дело коснется, так сразу же отговорки находят.

– Что ты сказал? Повтори! – едва сдерживая ярость, потребовал Бирюков.

– А то и сказал! Муж ее перед войной наверняка себя в грудь бил: «Пусть немцы только сунутся, я первый в окопы пойду!» А как грянул гром, так он не в Красную армию записываться побежал, а к немцам в комендатуру. Я давно заметил: кто на словах герой, тот в экстремальной ситуации – первый трус. И еще! Нечего к памяти героев взывать. Это они, наши деды, воевали, а не мы, и на нас отблеска их победы нет.

– погоди, дружок, – как кобра перед броском напрягся участковый. – Ты что же, хочешь сказать, что я при немцах пошел бы в полицаи? Я так этого не оставлю! Завтра же ты ответишь за свои слова перед судом офицерской чести.

Свидетелями моего спора с Бирюковым были два участковых и Айдар. Они подтвердили, что я вел себя корректно и не обвинял Валерия Петровича в готовности сотрудничать с нацистами. Точку в нашем противостоянии поручили поставить замполиту отдела. Он вызвал меня на беседу и по-дружески сказал:

– Нашел с кем связываться! У Бирюкова давно уже с психикой проблемы. Он живет в своем, вымышленном мире, где его слово – закон. На днях я разбирал его конфликт со следователем Яковлевой. Она ему говорит: «Перепишите характеристику на обвиняемого. Вы указываете, что он наркоман, а этого человека с наркотиками не задерживали и в состоянии наркотического опьянения в медвытрезвитель не доставляли». Бирюков уперся: «Ничего переписывать не буду! Я считаю, что он наркоман, значит, так оно и есть».

– Спихнули бы вы его куда-нибудь, от греха подальше, – посоветовал я.

– Пробовали! – засмеялся замполит. – Он даже на повышение идти не хочет. Говорит, что прикипел душой к своему участку. Оно и понятно. Он идет по району, к нему все жалобщики слетаются, как мухи на мед. У всех старух он в авторитете. Маленький царек, а тут ты со своей собачкой! Нашел из-за чего конфликт раздувать.

– Дело же не в собачке, а в принципе! – возмутился я. – Старуха Милена за свои грехи отсидела, значит, свою вину искупила. Если Бирюков такой правдолюбец, то пусть признается, что он относился к покойнице предвзято. Она, наверное, ему при встрече в ноги не кланялась, вот он и невзлюбил ее.

– Хватит! – приказал замполит. – С Бирюковым больше не спорить, на тему войны не говорить. И вообще о войне ни с кем не говори, а то не так поймут, не отмоешься потом.

– А как же перестройка, гласность?

– Гласность – это то, что в газетах напечатано, а свое мнение при себе оставь.

Не добившись проведения надо мной суда офицерской чести, участковый пошел на прием к парторгу отдела, но попал под горячую руку: парторгу с утра накрутили хвост – указали в райкоме партии на отсутствие самокритики в наглядной агитации.

– В стране гласность, самокритика, а у вас об этом даже строчки в стенгазете нет, – корил парторга секретарь райкома. – В вашем отделе что, нет недостатков? Вы что, все преступления раскрыли и с уличным хулиганством покончили? Вам не кажется, что вы вместо ускорения сбавили темп в воспитательной работе? Активизируйтесь, принимайте меры, иначе меры примем мы к вам.

– Этот Лаптев, он клеветник... – начал участковый.

– Что ты мне горбатого лепишь! – не стал дослушивать его парторг. – Если сейчас каждый начнет в прошлом ковыряться и выискивать, кто и чем во времена оккупации занимался, это знаешь к чему может привести? Партия учит нас: отсидел человек за совершенное преступление, искупил свою вину добросовестным трудом – значит, стал полноценным членом общества. Ты глаза, Валерий Петрович, протри! На дворе перестройка, а ты с молодежью собачишься, политические диспуты устраиваешь. Как самый опытный участковый, как наставник, ты должен показывать пример в служебной деятельности, а ты по архивам лазаешь, компромат на старух собираешь.

– Я же не из праздного любопытства в архив полез, – обиделся Бирюков. – Я изучал личность подозрительной гражданки, проживающей на моем участке.

– Даже так? – «удивился» парторг. – Какая, однако, бдительность! На старушку жильцы не жаловались, матом она не ругалась, а ты ее личность изучал, за порядок на вверенном участке переживал? Ну что же, поговорим об участке. Вот жалоба гражданки Систеровой. Ее муж-алкоголик уже полгода семью терроризирует, все из дома пропил, а ты и ухом не ведешь! В чем дело?

– Я не могу его в ЛТП оформить, – насупился Бирюков. – Очередь не подошла.

– Какие меры ты принял, чтобы очередь ускорить? Никаких? Иди, Валерий Петрович, и напиши объяснение на имя начальника отдела. Я на твоё бездействиеотреагирую по партийной линии.

После беседы с парторгом Бирюков притих, о конфликте, вызванном маленькой собачкой Тотошей, больше не вспоминал. Я бы тоже о нем забыл, но слова участкового о главенстве правды над здравым смыслом запали мне в душу, и я решил, что при случае припомню Валерию Петровичу, как он меня правдолюбием учил. Случай не заставил себя ждать, но ударил он не по участковому, а по его родственникам, причем с совершенно неожиданной стороны.

2

В милиции есть два плановых мероприятия, в которых принимает участие весь личный состав, невзирая на должности и звания, – это Первомайская и Ноябрьская демонстрации. 7 ноября 1986 года мне выпало стоять в оцеплении, контролировать прохождение колонн трудящихся по главному проспекту города к площади Советов.

Промерзнув на демонстрации, я вернулся в отдел, просмотрел в дежурной части сводки происшествий за сутки. Ничего существенного. Перед праздником всегда наступает затишье, преступления начинают сыпаться вечером в праздничный день и продолжаются всю ночь до утра. Если на следующий после праздника день выпадает выходной, то пик преступности приходится на него. В этом году после 7 ноября было сразу два выходных дня – суббота и воскресенье. Чтобы в затянувшиеся праздники быть в постоянной готовности, начальник ОУР Васильев распределил дежурства по отделу. Себе он отвел самый лучший день – воскресенье. В последний день недели народ, уставший за два дня пьянства, будет находиться в полусонном состоянии, кривая преступности стремительно пойдет вниз, к минимальным значениям. 7 ноября дежурить он поставил Шкляра – своего второго заместителя, мужчину немолодого, грузного, неинициативного. Мне же начальник отвел самый трудный день – субботу.

«Из трех праздничных дней я смогу отдохнуть только один, разбитый на две части, – размышлял я. – Сегодня полдня уже пропало, завтра дежурить, а в воскресенье я раньше двенадцати часов с работы не уйду. Спрашивается, когда мне выпить-закусить, когда личной жизнью заняться?»

Я поднялся к себе. В кабинете меня ждали Айдар и Горбунов.

– Андрей, – сказал Иван, – обычай требует причаститься после демонстрации. Жажнем по сто граммов – и по домам?

– Подождем, пока Васильев отбой даст. Полчаса ничего не изменят. У нас, кстати, закусить есть?

– Я хлеб и сало из дома принес. Сало между рамами лежит. Что не съедим, на ту неделю, на дежурства останется.

Минут через пять Васильев пошел по кабинетам. Проверив личный состав, зашел к нам.

– Что сидите с хитрыми физиономиями? Выпивать собираетесь? Дома праздник отмечать надо, а не на работе. Андрей, мне тут пришлось все переиграть, и я поставил тебя ответственным по отделу на сегодня и на завтра.

– За что такая немилость? – возмутился я. – Все праздники коту под хвост!

– Ничего не попишешь! Шкляр заболел, простыл на демонстрации. Я посмотрел, как он кашлем захлебывается, и отпустил его домой лечиться.

– Какой болезненный у вас заместитель, Александр Сергеевич! Два часа в оцеплении постоял и носом стал шмыгать. Ему на пенсию не пора?

– Ты вначале доживи до его лет, а потом умничать будешь! Я посмотрю, сколько у тебя здоровья к сорока годам останется.

– Я до сорока лет не доживу, помру с такой работой.

– Помрешь – похороним, а пока спустись в дежурку и сообщи, что ты будешь ответственным по ОУР сегодня и завтра.

Спорить было бесполезно. Я отпустил парней по домам, созвонился с дежурным и занялся мелкой текучкой, оставшейся с прошлого месяца. Часам к семи я проголодался и стал прикидывать: где бы поужинать, когда все столовые закрыты? Мои размышления о хлебе насущном прервала какая-то беготня по райотделу. Вначале в направлении кабинетов следователей по коридору процокали женские каблучки, через пять минут они же быстрой дробью отстучали в обратном направлении. Гроыхая сапогами, вниз по лестнице сбежал мужчина.

«Ну все, началось!» – подумал я и выглянул в коридор.

– Андрей, ты на месте? – спросил с лестничной клетки начальник следствия Першин. – Пошли к начальнику.

У начальника РОВД Малышева за приставным столиком сидела следователь Яковлева. Першин занял место напротив нее, я остался стоять.

– Бери дежурную машину и поезжай на проспект Машиностроителей, – распорядился Малышев. – Там убийство, надо разобраться, что к чему.

Я посмотрел на начальника милиции, на Яковлеву, на мрачного Першина и не удержался, переспросил:

– Николай Алексеевич, я не ослышался: мне надо выехать на проспект Машиностроителей? Это же Центральный район, что я там забыл?

– Потом все узнаешь! – не стал ничего объяснять Малышев. – Поезжай на место, выясни обстоятельства дела и перспективы к раскрытию. Пока не вернешься, я буду на месте.

Водитель дежурного «уазика» уже ждал меня у гаража. Включив проблесковый маячок, мы в два счета домчались до места происшествия – пятиэтажного панельного дома, расположенного в глубине дворов недалеко от Центрального рынка. У последнего подъезда машина остановилась. Я вышел, поздоровался с оперативниками, толпившимися на крыльце.

– Что у вас приключилось? – спросил я.

– Поднимись на четвертый этаж, там Садыков, а мы пошли дом отрабатывать, – ответил один из оперов.

Как по команде, оперативники разошлись в разные стороны. Я пожал плечами и вошел в подъезд. Федора Садыкова, тридцатипятилетнего начальника уголовного розыска Центрального РОВД, я нашел на лестничной площадке второго этажа.

– Ба! – увидев меня, воскликнул он. – Какие люди – и без охраны! Андрюха, ты что, районы перепутал или тебе дома нечем заняться? Признавайся: зачем приперся? Убийство раскрывать?

– Федя, меня Малышев к вам послал и ничего не объяснил. Введи в курс дела, что тут случилось?

– Кровавое и таинственное преступление, – интригуяюще прошептал Садыков. – Убийство в замкнутом пространстве. Преступление в духе Агаты Кристи.

– А если серьезно?

– Мокруха, бытовуха и ничего не понять! – засмеявшись, ответил Федор. – В двух словах дело было так: три парня и пять девушек собрались отметить Седьмое ноября. Ровно в час дня они сели за стол. В половине третьего Луизе, дочери хозяйки квартиры, стало плохо, и она пошла в спальню полежать. Примерно в пять часов одна из девушек заглянула к Луизе и обнаружила ее убитой. Во время отсутствия хозяйской дочери гости были в зале, веселились, выпивали, никто посторонний в квартиру не заходил.

– Как они догадались, что Луиза убита, а не скончалась от инфаркта?

– У нее в груди торчал нож. Кто-то вогнал его по самую рукоятку. Как оружие преступления выглядит, подсказать не могу – покойницу вместе с ним увезли.

– Родителей, как я понял, дома не было? Сколько потерпевшей лет?

– Восемнадцать, гостям примерно столько же. Из всей компании выбивается Андрей Чистяков, брат одной из подружек Луизы. Ему двадцать два года. Он студент мединститута.

– Занятное происшествие. Пока гости ели-пили, кто-то зарезал хозяйскую дочь. Федя, все классно, но я, честно говоря, не вижу никакой связи между убитой девушкой и нашим отделом.

– Луизу два месяца назад слегка покалечил одноклассник. Он в нее метнул вазу, попал в стену, ваза – вдребезги, один из осколков девчонке щеку пропорол. События происходили в художественном училище, а оно расположено на вашей территории.

– Как ты оперативно разузнал все о потерпевшей! – удивился я.

– У нее на столе повестка лежала на понедельник. Я позвонил в дежурку, потом следователю Яковлевой домой, и она мне тут же дала расклад по Луизе и ее обидчику.

Я вспомнил Яковлеву, бледную, безучастную, тупо рассматривавшую стену перед собой.

«Тут что-то не то, – подумал я. – Следовательно не впадет в ступор из-за смерти потерпевшей. У нее каждый месяц калейдоскоп из порезанных и обворованных граждан, они для нее

все безликие и отличаются друг от друга только фамилиями и обстоятельствами дела. Пока с расспросами о художественном училище надо повременить. Вернусь, от Яковлевой все узнаю».

– Федя, где сейчас гости? – переменял я тему разговора.

– В райотделе по кабинетам сидят, следователя прокуратуры дожидаются, а она тут сидит, мамашу Луизы ждет, а где мамаша – никто не знает. Андрей, может, в квартиру пройдем? Какого черта мы тут торчим, как два тополя на Плющихе? Пошли, я покажу тебе, как белые люди живут.

– Ого! Родители Луизы – кооператоры или в торговле работают?

– Отца нет, сбежал куда-то, а мать – директор Дома моделей. Зарплата у нее копеечная, зато дом – полная чаша. Там такие диковинки есть, что не каждый день увидишь.

У входа в квартиру Садыков остановился.

– Обрати внимание, какая прочная дверь, – сказал он. – Сделана по заказу: косяки усилены, два врезных замка разных конструкций. Интересная деталь: все гости утверждают, что после убийства Луизы они заметили, что входная дверь не закрыта. Не распахнута настежь и не приоткрыта, а просто захлопнута на защелку.

– Ты хочешь сказать, что, пока гости веселились, в квартиру мог войти любой проходимец, зарезать хозяйскую дочь и беспрепятственно скрыться? Ерунда. Даже теоретически выглядит неправдоподобно.

Вместо ответа Садыков распахнул дверь.

– Прошу вас! – картинным жестом пригласил он.

Не успел я переступить порог, как с кухни раздался недовольный женский окрик:

– Кто там? Кто постоянно ходит взад-вперед? Садыков, ты вернулся? Хозяйку не нашел?

– Я ее любовника привел! – весело ответил начальник розыска.

– Кого-кого? – в прихожую вышла следователь прокуратуры Капустина. – Садыков, ты сам дурак, и шулки у тебя дурацкие! Нашел, тоже мне, любовника. Лаптев, ты как тут оказался?

– Шел мимо, смотрю – народ у подъезда кучкуется. Дай, думаю, зайду на огонек, может, кого знакомого встречу.

– Лаптев, посоветуй, что делать: я уже отработала место происшествия, все бумаги заполнила, а хозяйки все нет. Может, квартиру опечатать и оставить ей записку?

– Ни в коем случае! Кто-то должен встретить ее и подготовить к трагическим известиям. Миссия, конечно, неприятная, но кому-то придется сидеть здесь до упора, пока хозяйка не вернется.

– Вот и сидите, а я поехала в райотдел свидетелей допрашивать.

Капустина оделась, критически осмотрела себя в зеркало в прихожей и вышла за дверь.

– Баба с возу – кобыле легче! – прокомментировал ее уход Садыков. – Ну что, приступим к осмотру места происшествия?

3

Луиза с матерью жили в четырехкомнатной «маломерке». По площади она была чуть меньше трехкомнатной «сорокапятки», но считалась более престижной. Первая комната от входа была спальней. При любых дизайнерских решениях в нее помещался ограниченный набор мебели. Как правило, это были двуспальная кровать с прикроватными тумбочками и платяной шкаф в углу. Квартира Луизы не была исключением. Почти весь центр комнаты занимала широкая кровать, заправленная плотным светлым покрывалом.

– Странно, – сказал я, показывая на темно-бурое пятно на покрывале. – Крови набежало совсем чуть-чуть.

– Убийца оставил нож в груди потерпевшей, клинок и рукоятка закупорили рану.

– Гости были в соседней комнате?

– Угу! В двух шагах сидели и ничего не слышали. Пошли дальше?

– Погоди, дай осмотреться.

С самого начала мое внимание привлек написанный маслом портрет женщины на стене напротив изголовья кровати. На вид ей было лет сорок, не больше. Блондинка, волосы слегка волнистые, большие голубые глаза. Шею женщины украшало изумрудное ожерелье, в ушах – серьги из того же камня.

– Это хозяйка? – спросил я.

– Она, родимая! Каретина Ольга Николаевна, известнейший модельер женской одежды, директор Дома моделей, в прошлом манекенщица.

– Федя, что за чудеса? Откуда ты все узнал?

– У одного моего опера жена в Доме моделей работает.

Я еще раз посмотрел на портрет, потом на кровавое пятно на покрывале.

«Не завидую я тебе, Ольга Николаевна! – промелькнула мысль. – Врагу не пожелаешь в такой ситуации оказаться».

На входе в следующую комнату – гостиную – сразу же бросилась в глаза перепланировка помещения. В стандартной четырехкомнатной квартире к гостиной примыкают две смежные комнаты: угловая, с большим окном, и совсем небольшая комнатка, обычно используемая как детская спальня. В помещении, где на две основных стены приходится три дверных проема, расставить мебель совсем не просто: одна из стен фактически непригодна для габаритных предметов – ни диван, ни шкаф у нее не поставить. В скромные хрущевские времена у жильцов не возникало головной боли при расстановке мебели. Посуда, книги и одежда размещались в небольших шкафах, вписывающихся в любой интерьер. В зажиточные брежневские годы в продаже появились наборы корпусной мебели, называемые «горка» или «стенка». Громоздкая корпусная мебель требовала пространства, а свободных стен для нее не было. Компромиссным решением была перепланировка: вход в угловую комнату из гостиной заделывали, новые двери пробивали через маленькую комнатку.

В квартире Каретиных так и поступили. На освободившееся место хозяева установили импортную стенку. Правую часть ее занимали книжные полки, слева сверкали хрустальные вазы и бокалы, по центру была ниша для телевизора.

Я подошел к книгам, посмотрел на корешки, достал томик Жюль Верна, открыл на последней странице.

– Эта книга 1983 года издания, – сказал я. – Два года назад глава семейства еще жил тут.

– Он тебе послание в книжке оставил? – недоверчиво спросил Федор.

– Жюль Верна отец Луизы купил для себя. Согласись, научная фантастика – не самое подходящее чтиво для девочки. Для мальчика бы подошло, для дочери – не то. Два года назад в этой квартире жил мужчина. Расставаясь с матерью Луизы, он оставил свои книги ей. Благородный мэн, ничего не скажешь!

– Андрей, мне всегда была интересна твоя логика, – сказал Садыков. – Почему муж ушел из семьи два года назад, а не три?

– Зайди в ближайший книжный магазин и поинтересуйся, когда у них в последний раз был в свободной продаже Жюль Верн. В 1960-е годы, во времена книжного изобилия. В наше время хорошую книгу можно купить или на базаре по заоблачной цене, или по записи в книжном магазине. В коллекции ушедшего мужа пять томов, значит, он приобрел их в магазине. Книжки по подписке поступают в продажу с задержкой примерно в полгода. Дальше высчитывай сам.

– Теперь обернись, посмотри на праздничный стол и скажи, какие выводы ты сделаешь из его сервировки?

– Судя по молдавскому коньяку и красной икре, здесь пировали аристократы.

– Одна аристократка – дочь хозяйки. Она сидела вот здесь, на диване слева. Дальше, ближе к окну, разместились две девушки. Напротив них, на табуретах, два парня и девушка. Справа во главе стола сидел студент, слева – подруга Луизы, Шершнева Валя. Она была в этой компании на побегушках – приносила из кухни салаты, готовила морс из варенья. Хозяйской дочери было не с руки самой суетиться, вот она и пригласила в качестве официантки бывшую одноклассницу.

– Богатый стол, – сказал я, рассматривая закуски и салаты. – Попробую смоделировать ход застолья. Так, что мы имеем? Парни пили коньяк «Белый аист», который днем с огнем не найдешь. На троих они осилили полторы бутылки. Потом, как я понимаю, началась суета... Парни пили из трех одинаковых хрустальных стопок. В середине застолья к ним присоединилась Шершнева Валентина. Для себя она взяла бокал из стенки.

Я взял за ножку бокал, понюхал остатки содержимого.

– Так и есть – коньяк! Вале надоело скромничать, и она перешла на крепкие напитки. Остальные девушки с самого начала пили шампанское.

Садыков сходил на кухню, принес чистую столовую ложку.

– Угощайся! – сказал он, пододвинув ко мне вазочку с красной икрой. – Когда еще выпадет момент – икру ложкой есть!

Пока я готовил бутерброд, Федор занял место студента, закурил, сбрасывая пепел на пол.

– Зря мусоришь! – сказал я. – Хозяйка придет, возмущаться будет... Кстати, где гости курили?

– На кухне. Там полная пепельница окурков.

– Молодежь не боялась получить нагоняй от мамы Луизы?

– По-моему, они ничего не боялись. Зайдем в комнату дочери, сам все увидишь. А пока скажи, почему ты первым делом обратил внимание на книги, а не на тумбочку с аппаратурой?

– Телевизор «Сони» свидетельствует только о богатстве хозяев, а по книгам можно попытаться понять их внутренний мир. Судя по обложкам, после ухода мужчины из семьи библиотека не пополнялась. Мать с дочерью литературой не интересовались.

– Я, когда вошел, опешил от аппаратуры. Телик – японский, кассетный магнитофон – голландский «Филипс». У Луизы в комнате еще один импортный магнитофон. Если все вместе собрать и сдать в комиссионку, то машину можно купить. Я лично телевизор «Сони» до этого никогда не видел. Но это еще не все. Обрати внимание на штекеры в нише под телевизором. Даю гарантию, что там стоял видеомагнитофон. Мамаша, уезжая в гости, прихватила его с собой.

– Вот времена пошли! – воскликнул я. – Раньше в гости с бутылкой ходили, а теперь можно целый кинотеатр с собой принести. Понятно, почему она в гостях засиделась: пока один фильм посмотрят, потом второй... Если у нее с собой пара кассет с американскими боевиками, то до глубокой ночи можно от экрана не отрываться, а если она эротику взяла и к любимому мужчине поехала...

– Ты поел? Пошли дальше.

Примыкающая к гостиной маленькая комната была оборудована под кабинет. В ней стояли письменный стол, небольшой одежный шкаф. На стене у входа в комнату Луизы лесенкой размещались книжные полки с литературой по истории изобразительного искусства, журналами мод, альбомами с репродукциями известных художников. Над письменным столом висела картина, на которой была изображена девушка в полный рост.

– Это дочь? – с удивлением спросил я.

– Она. Луиза.

Картина была написана красками бледных тонов. Обнаженная девушка на ней стояла по щиколотку в воде в окружении двух фламинго. Длинные волосы Луизы были растрепаны ветром, голова слегка повернута в сторону правой птицы. Художник изобразил недавнее дуновение

ние ветра, нарисовав перья на спинах у фламинго слегка вздыбленными, еще не успевшими вернуться на место. Чтобы картина не выглядела вызывающе, художник дал девушке в руки кусок прозрачной материи, которую та целомудренно придерживала правой рукой у груди. Вся левая сторона натурщицы была не прикрыта, а там, где материя скрывала ноги, контуры тела просвечивались так отчетливо, словно никакой материи и не было.

– Обалдеть! – изумился я. – Мать разрешила дочери позировать обнаженной, а потом картину, на которой у нее грудь не прикрыта, выставила на всеобщее обозрение. Как я понимаю, любой гость мог пройти в кабинет...

– Не будь деревенщиной, Андрей! – усмехнулся Садыков. – Современные люди, прогрессивные взгляды на обнаженную натуру... Согласись, девушка на картине идеально сложена. Ее нагота – это высокое искусство. Тебе, человеку черствому и некультурному, этого не понять.

– Тоже мне, нашелся знаток современного искусства! – не задумываясь, возразил я. – Тебе, Федя, со мной тягаться бесполезно. Моя бывшая жена работала в поселковой библиотеке, так что я, по определению, человек высококультурный, не ретроград, не моралист, но свою дочь в неглиже я бы гостям демонстрировать не стал... Представь, сидят парни за столом, а рядом портрет голой хозяйки... Сюрреализм какой-то!

Я присмотрелся к девушке на картине, к обнаженной груди, к плечу, слегка прикрытому растрепанными локонами.

– Федя, тебе не показалось, что мать и дочь на картинах выглядят совершенно по-разному?

– Одна одетая, а другая голая?

– Нет, я не об этом. Луиза на картине как живая, у нее осмысленный взгляд, и вся она какая-то натуральная, даже тепло ее тела ощущается, а портрет матери – как безжизненная фотография.

– Луизу рисовал мастер, а мамашу – ремесленник.

– Интересно, как бы этот мастер Каретину-старшую изобразил, какую бы композицию выбрал? Дочь в его видении – непорочная нимфа, а мамаша...

– Андрей, хватит на голую девку смотреть! Пошли в ее спальню, там интереснее будет.

В комнате Луизы у стены напротив окна стояла низкая деревянная кровать, рядом – прикроватная тумбочка. Покрывало на кровати было смято, подушка скомкана.

– Ну как зрелище, ничего не напоминает? – спросил Садыков. – Три мальчика, пять девочек. Молодежь собралась раскрепощенная, времени у них немного – мать может в любой момент вернуться, а желания бурлят, кровь шампанским разогрета...

– После картины я ничему не удивлюсь.

– Как видишь, гости времени даром не теряли, но определенные условности им пришлось соблюдать. Выглядело это так: один из парней притворялся пьяным, девушка отводила его в комнату Луизы отлежаться, тут парень трезвел, а девчонка, наоборот, притворялась пьяной и позволяла делать с собой все, что захочется. Последним «опьянел» студент, но ему не повезло. Не успел он раздеть подружку, как в спальне обнаружили мертвую Луизу.

Я провел пальцем по краешку прикроватной тумбочки, присел, посмотрел на поверхность в косо падающем свете. Пыли на тумбочке не было.

– Что ты за эксперименты проводишь? – заинтересовался Садыков.

– Федя, я не вижу на тумбочке следов угольного порошка. Эксперты-криминалисты с нее отпечатки пальцев не снимали?

– Зачем? Здесь никаких событий не происходило.

– Зря ты так думаешь! Вернись в кабинет и посмотри: все предметы на столе разложены в идеальном порядке. Карандаши остро заточены, тетради для записей лежат аккуратной стопочкой. На полках с книгами и журналами пыли нет. Хозяева перед приходом гостей прибрались в квартире, все поверхности протерли. Теперь посмотри на прикроватную тумбочку. Луиза

прекрасно знала, чем у нее в комнате будут заниматься гости. Пыль она протерла, а ящик в тумбочке оставила приоткрытым?

– Что внутри? – ухватил нить рассуждений Садыков.

Я аккуратно, чтобы не оставить своих отпечатков пальцев, поддел снизу ящик, вытянул его наружу. В нем, кроме разных женских мелочей, была жестяная коробочка из-под индийского чая. Коробка была пустой.

– Пока в зале была суматоха, кто-то вернулся в эту комнату и украл содержимое коробки? – предположил Садыков.

– Во всяком случае, этот человек спешил так, что не задвинул ящик до конца... В тумбочку могли заглянуть еще до убийства хозяйки. Если из этой коробки похитили что-то ценное, то пойдی докажи, кто из шести человек решился на кражу? Федя, вызывай криминалистов, пусть отпечатки пальцев снимают.

– Мои эксперты сейчас на другом вызове, но ничего не попишешь, придется их возвращать.

Мы вернулись в зал. Садыков позвонил в райотдел, дал команду дежурному связаться по рации с криминалистами и вернуть их на место убийства Каретиной.

Не успел он положить трубку, как входная дверь открылась, и в коридор вошел один из оперуполномоченных, совершавших поквартирный обход в доме.

– Порожняк! – доложил он. – Никто ничего не видел.

– Немудрено, – согласился я. – Сегодня праздник, люди за столом сидят, а не в окно смотрят.

– Там пожрать что осталось? – спросил опер. – Я сегодня без обеда и без ужина, желудок от голода сводит.

– Пошли, съедим по бутерброду, – поддержал я.

В зале мы разговорились. Опер припомнил интересный момент.

– За столом собрались три парня и пять девушек. Две пары, как я понял, были уже устоявшиеся. Как только представился момент, они по очереди уединились. Без пары оставался один парень – студент и три девушки. Луиза как временная подружка отпадает. Она птица другого полета, со случайным партнером в кровать не ляжет. Остаются две девчонки лет по семнадцать-восемнадцать. Одна сидела вот тут, во главе стола. Не красавица. Лицо вытянутое, лошадиное, волосы назад зачесаны и собраны в косу, но как женщина она уже вполне сформировавшаяся: грудь, попа – все округлости при ней. Прыщи на лбу не в счет – в этом возрасте все прыщавые. Вторая девушка больше похожа на парня, чем на девчонку: худенькая, стрижка под мальчика, груди не видно, бедра узкие. Кого, ты думаешь, выбрал студент? Плоскодонку. Я бы ни за что на нее глаз не положил, а он повел ее в спальню.

– О вкусах не спорят, – попробовал возразить я, но договорить не успел. В прихожей зазвонил телефон. Садыков и опер переглянулись. Федор взял трубку, представился, выслушал собеседника и позвал к телефону меня.

– Андрей, ты там все разузнал? – раздраженно спросил Малышев. – Возвращайся немедленно. Ночь наступает, я сижу, тебя жду, а мне еще завтра целый день работать.

– Что, потеряли тебя? – спросил Садыков. – Бери мою машину, она у подъезда стоит.

– У меня своя есть, – с гордостью ответил я.

– Уже нет, – возразил опер. – Дежурка, как тебя привезла, тут же назад уехала.

– Всегда так! – возмутился я. – На место происшествия привезут, а назад возвращайся как хочешь. Федя, так я воспользуюсь твоим транспортом?

– Бери, конечно.

– Пока не ушел, хочу подарить вам интересную версию. Пришел папаша Луизы забрать любимого Жюля Верна. Открыл дверь своим ключом, постоял в коридоре, послушал, как молодежь веселится, разозлился и зарезал доченьку.

– Ну тебя к черту с твоими версиями! – послал меня Садыков.
Он хотел еще что-то сказать, но я уже закрыл за собой дверь.

4

Вернувшись в райотдел, я в двух словах изложил Малышеву обстоятельства убийства Луизы Каретиной.

– Николай Алексеевич, может, вы раскроете тайну: какое нам дело до преступления, совершенного в другом районе? – спросил я.

Малышев посмотрел на часы. Время близилось к полуночи. Ехать домой ни туда ни сюда. Остаться ночевать в кабинете тоже не лучший вариант – на стареньком продавленном диванчике не выспишься, утром встанешь больной и разбитый, как с похмелья.

– В мае месяце, – начал он, – в художественном училище был конфликт, из которого раздули происшествие вселенского масштаба. При училище есть творческая студия «Возрождение», в которой совершенствуют свое мастерство учащиеся училища и одаренные школьники. Занятия в студии проходят в кабинетах училища, на природе и в городской среде, в зависимости от темы урока. Одним из лучших учеников в студии был Павел Волков, талантливый художник, будущее светило советского изобразительного искусства. Ему девятнадцать лет. Он из рабочей семьи, скромный, тихий паренек. Больше года Волков был платонически влюблен в Каретину. Он считал ее чистой и непорочной, она была для него как ангел, как... «как гений чистой красоты». Ты понял мою мысль? Он ее любит, она его – нет. В какой-то момент Волков узнал, что Луиза вовсе не ангелочек и состоит в любовной связи с руководителем студии. Недельку парень мучился, а потом набрался решимости и потребовал объяснений у Луизы. Она послала его куда подальше – кто он такой, чтобы вмешиваться в ее личную жизнь? Волков после этого разговора замкнулся в себе, но в училище старался вести себя так, словно ничего не случилось. В конце месяца в подгруппе, где учились Волков и Каретина, проходило практическое занятие: нужно было нарисовать глиняную вазу с цветами с той точки, откуда ее видишь. Десять учеников заняли места по периметру класса, вазу преподаватель установил в центре, на подставке. Посреди урока Каретина повернулась к Волкову и показала ему язык. Он встал, подошел к вазе, вытряхнул из нее цветы и со всей силы запустил вазой в Каретину. Луиза увернулась, ваза попала в стену и разлетелась на мелкие кусочки. Один из осколков попал в лицо Каретиной и распорол щеку. Даже не щеку, а выступ под глазницей. После заживления раны судебный медик дал заключение: «Длина шрама на правой стороне лица – полтора сантиметра. Для его устранения потребуется хирургическое вмешательство».

– Часть первая статьи 108 УК РСФСР, – не задумываясь, квалифицировал я. – «Причинение тяжких телесных повреждений потерпевшему по признаку неизгладимого обезображивания лица». За такой шрам запросто можно года три колонии общего режима схлопотать.

– Слушай дальше. Мама у Каретиной – фигура в нашем городе влиятельная. У нее подруги и клиентки – жены партийных работников и директоров заводов. Вся наша элита в ее Доме моделей обшивается. Говорят, она мастер своего дела, настоящий талант. На любую толстуху такой наряд пошьет, что ни одной складочки жира не заметишь. У Волкова папа тоже не лыком шит. Он лучший автомеханик в городе. Клиентура у него – сам понимаешь какая. Что греха таить, даже я у него клапана «Жигулей» регулировал. Сделал – комар носа не подточит, машина как новенькая побежала.

– «Они сошлись: вода и камень», – продолжил я пушкинскую тему.

– Вот именно! Мамаша Каретиной визжит: «Он изуродовал мне ребенка!» Папа-автомеханик огрызается: «Подумаешь, шрам! Тональным кремом замажет, не видно будет». До проведения экспертизы мы лавировали между ними: вначале отказной сделали, а когда прокуратура вмешалась, возбудили дело по факту причинения легких телесных повреждений. В июле

заклучение было готово, дело переквалифицировали на статью 108. Все это время Павел Волков ходил под подпиской о невыезде. Заклучать его под стражу смысла не было, но тут, после экспертизы, обстоятельства поменялись. Прокурор района позвонил Яковлевой и дал команду представить Волкова на санкцию. Понятное дело: мамаша Каретиной подсуетилась где надо и добилась результата. Приходит ко мне начальник следствия и говорит: «Что делать будем? Если мы посадим паренька в следственный изолятор, то сломаем ему судьбу и гарантированно обеспечим реальное лишение свободы. Под подпиской он может условным сроком отделаться, а так – зона сто процентов». Я отчихвостил Першина, говорю ему: «Ты что, решил не выполнять законные указания прокурора? Да он нас завтра в порошок сотрет, все показатели нам обрушит. Задерживай Волкова, а каким он из тюрьмы выйдет – это не наше с тобой дело». Яковлева задержала подозреваемого и прямо из ИВС поехала к прокурору отстаивать свою точку зрения. Тот ее даже выслушивать не стал, говорит: «С каких это пор у нас следователи встают на защиту преступников? Твое дело – выполнять мои указания, а не обсуждать их». К слову, адвокатом у Волкова был Черемных. Он со всеми прокурорами на короткой ноге, но тут что-то сплосховал, не договорился об изменении меры пресечения. Проходит два дня. Яковлева предъявляет обвинение Волкову, готовит документы на санкцию. За это время отец Волкова нашел нужные связи в областной прокуратуре, и наш районный прокурор в одночасье все переиграл. Он звонит Яковлевой и говорит: «Какой-то странный у тебя подход к избранию меры пресечения. Волков не убийца, не бандит. Он – комсомолец, лучший ученик в училище, у него больше десятка грамот и дипломов с областных конкурсов, а ты его в СИЗО отправить собралась? Даже не вздумай его на санкцию привозить. Сама из ИВС освободишь и подписку о невыезде избереешь». Так и поступили. В конце ноября по уголовному делу в отношении Волкова – срок. Обвинение ему предъявлено, осталось ознакомить его и потерпевшую с материалами уголовного дела и направить дело в суд, а тут такое ЧП! Представь, что Волков имеет какое-то отношение к убийству Луизы. Прокурор о своих устных указаниях «забудет», а с нас шкуру живьем спустит и на барабан натянет. Скажет: «Кто вам позволил опасного преступника на свободе оставлять? Ваше попустительство привело к убийству девушки».

– Яковлевой – кранты! – прикинул я перспективу служебного расследования. – За подписку о невыезде ее не посадят, но из милиции выгонят. Что от меня требуется, Николай Алексеевич? Убийство-то совершено в другом районе. Я при всем желании не смогу в его раскрытии участвовать.

– Если начнет припекать, я поеду в областное УВД и договорюсь, чтобы тебя включили в группу по расследованию убийства Каретиной. Мы без тебя...

– О, знаю я эту сказочку! – запротестовал я. – Мне придется две лямки тянуть: и в чужом районе убийство раскрывать, и тут преступления расследовать. Васильев меня от текущих дел не освободит и свободный график не предоставит.

– Начальник уголовного розыска – мой подчиненный, – напомнил Малышев. – Если положение осложнится, я откомандирую тебя в Центральный район. Упадут показатели раскрываемости по твоей линии – и черт с ним, зато Яковлеву спасем. Мне следователь дороже любых показателей.

– Понятно, – невесело вздохнул я. – Когда она на работе появится? Мне надо побольше узнать о событиях в училище.

– Завтра утром она будет здесь.

От начальника РОВД я спустился в дежурную часть, узнал о квартирной краже в частном секторе и выехал на место происшествия. В отдел я вернулся только утром.

– Тебя Садыков ищет, – с порога сообщил дежурный.

Я позвонил Федору.

– Привет еще раз! – весело ответил он. – Считаю, мы раскрыли убийство Луизы. Как? Фамилия Волков тебе ничего не говорит? Этой ночью Волкова задержали в трех шагах от дома Каретиной, пьяного, в крови, с ключами от ее квартиры. Где он сейчас? В вытрезвителе. Он настолько пьян, что ничего пояснить не может. Ничего, отоспится, я его, щенка, в два счета расколю.

– Расколешь – буду премного благодарен, – искренне ответил я. – Только ты, Федя, не спеши. Я не очень верю, что Волков забрался к Луизе в дом и зарезал ее.

– Сам же про ключи говорил!

– Я пошутил, но ты, Федя, работай. Чем черт не шутит! Иногда самая неправдоподобная версия оказывается истинной, а все, что на поверхности лежит, – ложным.

В девять часов пришла Яковлева.

– Про Волкова уже знаешь? – спросил я.

– Это не он. Паша не способен на хладнокровное убийство. Он...

– погоди! – перебил я коллегу. – Давай пока оставим его в стороне и поговорим о Луизе. К Волкову мы всегда успеем вернуться.

Яковлева села напротив, попросила сигарету. Я раньше не замечал, чтобы она курила, но, видно, жизнь довела! В это утро Светлана Яковлева выглядела не лучшим образом: лицо помятое, глаза опухшие, губы не накрашены, глаза не подведены. Бессонная ночь, полная тяжелых размышлений, состарила ее лет на пять, а может, и больше.

– Что тебе рассказать о Луизе? – затушив недокуренную сигарету, спросила Яковлева. – Начнем с того, что она никакая не Луиза, а Зоя. Родилась 27 мая 1968 года в обычной семье. Мать работала закройщицей в ателье по пошиву женской одежды, отец – инженер на машиностроительном заводе. Когда девочке исполнилось тринадцать лет, родители устроили ей шикарный праздник: пригласили в гости ее одноклассников, друзей, соседей по дому. После того, как мама поздравила дочь, Зоя встала и заявила, что с этого момента ее зовут Луиза. Все посмеялись, поаплодировали и забыли об этой шутке. Но не тут-то было! После дня рождения Зоя перестала отзываться на свое имя. Первыми сломались родители, потом – бабушка с дедушкой. Одноклассники звали ее кто как, а учителя наотрез отказались принимать новое имя. Действительно, зачем подстраиваться под подростковую прихоть? Сегодня она стала Луизой, а завтра объявит себя Лаурой или Элеонорой. Что же, всем у нее на поводу идти? Луиза предвидела такое развитие событий и заставила родителей перевести ее в другую школу, где она с самого начала представлялась всем как Луиза, а на имя Зоя не реагировала, словно ее никогда так не звали. Ей даже аттестат зрелости чуть было не выписали на имя Каретиной Луизы. Учитель, заполнявшая бланки аттестатов, увидела в документах имя «Зоя», подумала, что это ошибка, и записала «Луиза». Представь, насколько все были убеждены, что Луиза – это ее настоящее имя!

После окончания средней школы Луиза поступила в художественное училище на театрально-декорационный факультет. Стать художником-декоратором она не планировала, потому что рисовать не умела. При поступлении обязательные к рассмотрению приемной комиссией рисунки за нее выполнили преподаватели училища.

– Если она не умела рисовать, то зачем пошла в художественное училище? Ради диплома?

– Луиза с юных лет позировала художникам, была любимой моделью у многих преподавателей изобразительного искусства. В художественную академию она бы не пробилась, таланта бы не хватило, а в училище, где она своя, – отчего бы не поступить? Как бы тебе объяснить, почему она пошла именно туда? Представь девушку, у которой в аттестате о среднем образовании одни тройки и парочка четверок. Ни в один институт ее не примут, в хороший техникум – тоже. Куда пойти, чтобы получить диплом? Туда, где тебя все знают, где ты с юных лет позируешь перед начинающими художниками и их преподавателями. Бог одарил Луизу идеальными пропорциями тела и красивым лицом. С такой внешностью, чтобы добиться успеха

и материального благосостояния, ей не нужно было ни образования, ни знаний, ни таланта. Все, что от нее требовалось, – это усидчивость, умение неподвижно сидеть или стоять в одной позе. А уж каким она успехом пользовалась у мужчин! Каждый художник стремился вложить в ее портрет что-то свое. Наши известные сибирские художники соревновались между собой, у кого лучше получится ее новый образ: то она загадочная нимфа, выходящая из лесного озера, то юная древнегреческая красавица с кувшином на плече, то богиня Диана с луком и стрелами.

– Я видел картину, где она в обнаженном виде. Луиза не стеснялась позировать в чем мать родила?

– Она прирожденная натурщица, то есть девушка, выставяющая на всеобщее обозрение свое обнаженное тело. Чего ей стесняться, если она сложена идеально и в ее пропорциях нет ни единого изъяна? И потом, натурщица – это не проститутка. Она не спит с художниками, а только позволяет им любоваться своим телом.

– Во сколько лет она начала раздеваться перед мужиками? В тринадцать?

– Позировать она начала классе в пятом, а когда в первый раз обнажилась – не знаю. Наверное, классе в седьмом, когда ее тело стало приобретать женственные очертания и у нее произошел скачок в нравственном и психологическом развитии... Как бы тебе объяснить-то, что с ней произошло! Был бы ты женщиной, я бы нашла подходящие слова... Попробую так: Луиза в своем взрослении перескочила из девочки в девушку, минуя переходную стадию. Она не была ни застенчивой девочкой, которая украдкой рассматривает в зеркало набухающие груди, ни юной девушкой, которая краснеет в присутствии мужчин. Представь: вот она девочка, с которой рисуют прилежную школьницу за партой, а вот она уже в образе дочери римского патриция, подающей вино будущему жениху. Классическое изобразительное искусство восходит корнями к натурализму Древней Греции, так чего ей стесняться? Луиза рано осознала, что ее тело – это товар, который можно выгодно продать. Товар без обертки стоит дороже, так что стесняться своей наготы ей было ни к чему.

– Шрам ее обезобразил? – сменил я тему разговора.

– Там шрам – одно название! Если не присматриваться, то и не заметишь. Будь Луиза обычной девушкой, она бы не стала делать трагедию из рубца на коже. Но она же модель, натурщица! Для нее мельчайший изъян во внешности – это катастрофа, потеря товарного вида. Говорят, она после травмпункта рыдала, в истерике билась, волосы на себе рвала, а потом успокоилась и решила мстить. Тут-то вся ее сущность и проявилась. Представь, сидит перед тобой девушка, комсомолка, воспитанная на идеалах гуманизма, и совершенно серьезно спрашивает: «Волкова расстреляют за то, что он меня изуродовал?» Я еще ничего не успела ответить, как она продолжает: «Если надо, то моя мама в любую инстанцию напишет, чтобы его приговорили к высшей мере наказания». И уже в самом конце вопроса она задумчиво, как бы произнося мысли вслух, говорит: «Я бы все на свете отдала, чтобы на его расстреле присутствовать, чтобы самой увидеть, как этот подонок жизни лишится». Вот такое у девушки Луизы было сомнение! Представь, сколько они со своей мамашей из меня крови выпили.

Рассказ Яковлевой прервал телефонный звонок.

– Андрюха, это ты? – устало спросил Садыков. – У нас, похоже, облом. Прикинь, у Волкова и Луизы одинаковые ключи от дверей. Мой опер сгонял к Волкову домой и убедился, что в его квартире точно такие же замки, как у Каретиных.

– Что он говорит по поводу крови? – спросил я.

– Там такая история, что сразу не поверишь! Прикинь, вчера этот щенок напился и пошел разбираться с руководителем студии «Возрождение» Осмоловским. Пришел к нему домой, позвонил в дверь, позвал хозяина на лестничную площадку поговорить. Когда тот вышел, Паша ему без лишних слов – хрясь по физиономии и разбил нос. Осмоловский на вид мужик тщедушный, но мужик же, не пацан. Он в ответ так врезал Волкову, что тот с лестницы слетел и всю морду об стену расквасил.

– Как он у дома Каретиных оказался?

– Андрей, ты только не смейся. Дальше все было как в дурацком фильме. Волков, весь в крови, нашел где-то бичей, пожалился им на уголовную статью и на растоптанную любовь. Алкаши вошли в его положение и угостили паренька разведенным одеколоном. От этого пошла у Волкова сознание помутилось, и он пошел разбираться к Луизе. Но шел, видать, тернистым путем, если добрался до ее дома только через несколько часов после драки с Осмоловским. Кстати, Яковлева у тебя? Мне Волков больше не нужен.

– Быстро ты с ним отработал!

Я отставил трубку в сторону, спросил у следователя:

– Волкова к нам привезти?

– Допрыгался Паша, – вздохнула Яковлева. – Пусть привозят. Я его задержу по своему делу и в ИВС отправлю.

– Федя, вези злодея к нам, только отмыть его не забудь и врачу показать. Нам он, избитый, без справки, на фиг не нужен!

5

Павел Волков оказался примерно таким, каким я его и представлял: невысокого роста, худощавым, кареглазым. Было в его внешности что-то татарское: то ли сужающийся книзу подбородок, то ли слегка раскосые глаза. После гигиенических процедур, проведенных в Центральном РОВД, выглядел он вполне презентабельно, только опухший нос напоминал о вчерашних приключениях.

– Садись, друг мой, – показал я на стул напротив моего стола, – рассказывай, как ты до такой жизни докатился? Вазами бросаешься, одеколон с бичами пьешь, с преподавателями дерешься.

Волков осмотрел стул, словно проверяя, не подложил ли я на сиденье канцелярскую кнопку, и осторожно присел на краешек.

– Что мне за это будет? – спросил он охрипшим после «Шипра» голосом.

– За что именно: за одеколон, за вазу или за мордобой в подъезде? За одеколон заплатишь штраф. Сколько нынче стоит ночевка в медвытрезвителе, я точно не помню, рублей сорок, наверное... Не помню расценок, врать не буду. Письмо по месту учебы из вытрезвителя тебя волновать не должно, а за разбитый нос Осмоловского много не дадут.

– Он на меня заявлять не будет, – уверенно произнес Павел.

– Отлично! Осмоловский отпадает, а про вазу ты должен сам все знать.

– Сколько мне за Луизу дадут?

Волков испытующе посмотрел на меня. Наверняка адвокат и следователь уже не один раз разъяснили ему варианты грозящего наказания, наверняка он уже опросил всех друзей и знакомых и узнал их мнение, но сейчас его интересовало, что отвечу я – человек, который проводит первый после убийства Луизы допрос.

– Я не судья и прогнозы о наказании никогда не даю, но для тебя сделаю исключение... Впрочем, нет! Для того чтобы говорить о наказании, надо знать сущность деяния, а я о Луизе и тебе знаю только с чужих слов.

– Надеюсь, вы не думаете, что это я ее убил?

– Как знать! – откровенно ответил я. – Теоретически у тебя было время, чтобы от Осмоловского доехать до Каретиных, убить Луизу и только потом найти бичей с одеколоном. Что ты так поморщился? Думаешь, я чушь несу? Ты, Паша, разгони похмельный туман и вспомни, как выглядели твои вчерашние собутыльники, где ты с ними познакомился, как их звали? Кто может подтвердить твоё алиби? Никто.

– Так они же... Я им все рассказал, они сочувствовали мне.

– Бичи, если их найдут, в твою защиту слова не скажут, заявят, что в первый раз тебя видят. Я знаю эту публику – они боятся милиции, как черт ладана. И еще момент, очень важный для тебя. Если следствие по Каретиной зайдет в тупик, то у следователя прокуратуры может появиться соблазн загрузить тебя по полной программе – ваза-то хоть как твоя. Одно преступление есть, отчего бы и второе на тебя не списать? Все в твоих руках, Паша! Чем подробнее ты расскажешь про себя и Каретину, тем быстрее я выйду на след настоящего преступника.

– После ее смерти в истории с вазой что-то изменится? Мне могут дать условно?

– Я не Дельфийский оракул, судьбу не предсказываю.

Волков попросил попить. Я дал ему литровую банку с водой, он опустошил ее, отер рукавом губы.

– Яковлева меня арестует? – спросил он. – Эх, черт, зачем я вчера напился! Просидел бы весь праздник дома и остался бы на свободе.

– Тебя арестовали бы в любом случае, – заверил я. – Ты – главный подозреваемый. Ты уже один раз поднял на Каретину руку, так почему бы тебе не довершить начатое до конца?

– Да там же все не так было! Не хотел я ее изуродовать.

Волков немного помолчал, собираясь с мыслями. Я не торопил его.

– С чего начать? – решившись на исповедь, спросил он.

– Хоть с чего! – подбодрил я. – Можешь с того дня, когда ты в первый раз в жизни взял в руки карандаш. Ты, Паша, рассказывай, я не спешу. Да и тебе спешить уже некуда. Курить будешь?

– Я не курю... С первого дня, значит? Первый день, когда взял в руки карандаш, я не помню, а вот как рисовать начал, могу рассказать. В двенадцать лет я заболел и целый год просидел дома. Читать я не люблю, по телевизору ничего интересного не показывают, на улицу выйти не мог, и я начал рисовать. Вначале я работал карандашом, потом – красками. После выздоровления родители отправили меня в санаторий, где я долечивался еще год. В санатории мои работы попались на глаза местному художнику, и он сказал, что у меня талант, который надо развивать. Вернувшись домой, я записался в студию «Возрождение» при художественном училище. Там-то я в первый раз и увидел Каретину. Она была настолько непорочна, что вся светилась от внутренней чистоты. Как-то раз Осмоловский предложил нам написать карандашный портрет Каретиной. Как сейчас помню, она позировала вполоборота, с яблоком вместо граната в руке. Узнали композицию? Художник Данте, «Прозерпина». Моя работа Осмоловскому понравилась. Он сказал, что в глазах нарисованной Луизы есть проблески зарождающейся жизни. Не ее жизни, а моей, жизни будущего художника. С того дня Каретина стала моей музой. Я рисовал ее каждый день, а когда не видел ее, то делал наброски по памяти. И очень быстро... да нет, с самого начала, она стала моим стержнем. Вы видели, как делают «сахарную вату»? На палочку наматывают застывший вспененный сироп слой за слоем. Вот так же и у меня: чтобы нарисовать любую композицию, мне надо было мысленно включить в нее Луизу. Скажем, чтобы нарисовать вазу, я должен был представить рядом с ней Каретину. Если я рисовал пейзаж, то это была незримая Луиза на опушке леса. Без ее образа я не мог творить.

– Ты рисовал ее обнаженной? – не удержался я.

– Конечно. Луиза без одежды получалась у меня даже лучше, чем у Осмоловского, а он хоть и сволочь, но мастер.

– Картина, где она стоит с фламинго, не твоя? Или ее Осмоловский нарисовал?

– О нет, что вы! Композиция «Девушка и фламинго» – это настоящее произведение искусства. Ее автор – известнейший художник. Луиза заплатила за эту картину пять тысяч рублей.

– Сколько? – поразился я.

– Пять тысяч. Это недорого. Картины этого художника покупают иностранцы, он выставляется на самых престижных выставках по всему миру, а тут какие-то жалкие пять кусков!

Это называется «даром отдал». Ну не совсем даром. Сейчас-то я понимаю, что она не только позировала ему... Вот дура! Она своей похотью всю мою жизнь под откос пустила. Если бы вы знали, как у нас все классно получалось! Как-то я написал картину, где запечатлел Луизу в образе спартанской девушки, подающей лавровый венок раненому воину. Эту картину Осмоловский продал за пятьсот рублей: сто – мне, ему и Луизе – по двести. По фотографии этой картины нашелся новый заказчик, который пожелал, чтобы вместо абстрактного воина я изобразил его. Луизу я рисовал с натуры, а заказчика – по фотографии и по карандашным наброскам, которые сделал Осмоловский. Месяц работы – тысяча рублей на троих! Спрашивается, чего Каретиной не хватало?

– Паша, давай от высокого искусства перейдем к истории с вазой. Кстати, мне тут сказали, что сама Луиза рисовать не умела.

– Почему же? Лубочный рисунок, рублей на пятьдесят, она бы набросала в два счета. Неодушевленные предметы у нее получались неплохо. Скажем, вазу она могла хорошо изобразить, а цветы в этой вазе – нет.

– Растения и люди у нее не получались?

– Возьмите карандаш и нарисуйте розу. По вашему рисунку любой поймет, что это роза, а не кактус. Нарисовать цветок не проблема, а вот вдохнуть в него жизнь – не каждому дано. Луиза могла нарисовать цветы, но выглядели бы они ненатурально, так, мазня какая-то. За портреты она даже не бралась. Портрет – это особый вид изобразительного искусства. Вдохнуть душу в него мало у кого получается. Вы видели портрет матери Луизы? Один известный художник по просьбе Осмоловского рисовал. Толку-то! Глаза безжизненные, как у куклы в магазине.

– На картине, где Луиза стоит с фламинго, ее глаз не видно, но она смотрится как живая.

– Луиза там только часть композиции, главная составляющая, но без второстепенных фигур и без фона она смотреться не будет. Если вам еще раз доведется увидеть эту картину, то присмотритесь к фламинго. Они кажутся нарисованными широкими мазками, но автор прорисовал отдельные перья так, что вы ощущаете свежее дыхание утреннего ветерка. А фон там какой!

– Стоп! – приказал я. – Про картины и тонкости изобразительного искусства – хватит. Перейдем к вазе. Ты бросил ее в Каретину из-за ревности?

– Нет, конечно же! С чего бы я ее ревновал? Она не жена мне, не возлюбленная. Она моя муза, источник вдохновения.

– Черт, как все запутано! Давай пойдем другим путем. Что подтолкнуло тебя швырнуть вазу в Каретину?

– Она разрушила мой мир, вынула из меня стержень, лишила дара оживлять картины. Увидев ее с Осмоловским, я испытал самое большое разочарование в жизни.

– Это уже ближе к теме. Где ты их увидел? Что они делали?

– Они стояли в мастерской у окна, смотрели на улицу. Осмоловский обнимал Каретину за талию. Для меня это был шок. Я всегда считал Луизу девственно-чистой, а она, как последняя проститутка, прижималась к мужику, голову ему на плечо склонила.

– Подожди, они что, обнаженные стояли?

– В том-то и суть, что нет! Была бы Каретина голая, я бы ничего такого не подумал, но они были полностью одетыми, значит, между ними отношения далеко не деловые... Давайте я вам анекдот расскажу, и вы сразу все поймете. Сидят на кухне художник и натурщица, пьют чай. Художник посмотрел в окно и говорит: «Жена идет! Живо раздевайся, а то она подумает черт знает что!» Осмоловский видел обнаженную Луизу десятки раз, он даже прикасался к ней, когда выстраивал композицию, но тут совсем другой случай. Обнимать одетую натурщицу нет никакой необходимости.

– Ей-богу, не пойму, что в их поступке предосудительного. Одетый мужчина обнимает одетую девушку, и что с того? И самое главное – ты-то здесь при чем?

– Представьте, что вы до безумия любите молоко. Берете полную крынку, выпиваете ее залпом, а на дне дохлая крыса лежит. Вы после этого будете пить молоко? Нет. Любое молоко будет казаться вам ядом, в любой емкости вы будете представлять крысу на дне. То же самое со мной. Я с наслаждением пил чистоту Луизы и вдруг увидел, что она ничем не отличается от других девушек, такая же похотливая и продажная.

– Паша, как мужчина мужчине, скажи: между тобой и Луизой не было интима?

– Любая интимная интрижка разрушила бы нашу духовную связь, сцепку между художником и его музой. Как-то раз мы поцеловались с Луизой после вечеринки с шампанским, на другой день обоим было неловко. Я неделю не мог найти вдохновение. Потом все восстановилось, но больше я Каретину не обнимал. Я понял, что физический контакт между нами препятствует переносу чувств на холст.

– Рано или поздно Луиза бы вышла замуж, и тогда бы твое вдохновение закончилось?

– Нет. Она перешла бы из одного образа в другой, но осталась бы прежней. Для меня ударом ведь было не то, что она не девственница, а то, что это все так по-скотски произошло. Она и Осмоловский! Ему пятьдесят лет, ей – восемнадцать. Он грязный старик, а она с ним обнимается, как уличная девка.

– Попробую поймать твою мысль. Для сохранения образа Каретина должна была встретить прекрасного принца на белом коне, принять его красивые ухаживания и только потом выйти замуж в белом платье и фате. Я правильно тебя понял? Все, оставим этот эпизод и перейдем к дальнейшим событиям. В мастерской ты не буйствовал, вазами не кидался?

– Я молча ушел. Дома попробовал нарисовать ее, но ничего не получилось: набросок вышел безжизненный. Мое вдохновение исчерпало себя.

Прервав Волкова, на столе зазвонил телефон.

– Андрей, давай на выезд! – сказал дежурный по РОВД.

– У меня важный допрос, я не могу прерваться, – возразил я.

– Васильев распорядился, чтобы ты лично выехал на место и организовал раскрытие преступления.

– Мать его! – выругался я. – Так и знал, что придется на два фронта крутиться. Что там случилось? Ножевое? Собираюсь.

Я положил трубку и набрал номер Яковлевой.

– Светлана Александровна, иди домой, я Волкова в ИВС сам закрою. О, сделай одно доброе дело: позвони его родителям, пусть парню вещи соберут и поесть захватят.

Вернувшись через час (преступление оказалось пустяковым – сосед порезал соседа), я забрал Волкова из комнаты для задержанных, поднялся к себе в кабинет.

– Продолжим, – сказал я. – Итак, ты понял, что между Осмоловским и Каретиной есть интимные отношения и потерял вдохновение. Что было дальше?

– У нас был крупный заказ. Я рисовал Луизу в образе Русалочки. Как только Осмоловский и Каретина увидели законченную картину, так тут же закричали: «Ты что за халтуру нам подсовываешь? Это же безжизненная мазня! Ты хочешь нам заказ сорвать?» Я вспылil, говорю: «Сами виноваты!» Осмоловский, как только узнал, в чем дело, тут же вышел, даже разговаривать со мной не стал, а Луиза набросилась на меня: «Какое тебе дело до моих отношений с мужчинами? С кем хочу, с тем и встречаюсь». Я влепил ей пощечину и ушел. Картину заказчик брать отказался, Осмоловскому пришлось вернуть задаток. В общем, они обиделись на меня, а я – на них. Пока между нами шла «холодная война», я рассказал о Луизе своему однокласснику Сергею Веселову. Он посмеялся надо мной, говорит: «Ты что думаешь, Луиза только с Осмоловским спала? Я ее с Фроловым в одном автомобиле видел». Фролов – это новосибирский художник, приезжал к нам мастер-класс преподавать. После этого разговора я

впал в депрессию, ни с кем не разговаривал, бросил рисовать, но на занятия в училище ходил исправно, ни одного урока не пропустил. Настал день, когда мы рисовали вазу. На перемене Луиза подошла ко мне и говорит: «Мы нашли мастера, он перерисует глаза у Русалочки, и мы продадим картину другому заказчику». Я отвечаю: «Ничего вы не продадите. Я после уроков изрежу картину на кусочки, в лохмотья ее превращу!» Прозвенел звонок. Мы сели, рисуем вазу. Каретина поворачивается ко мне и показывает язык. Я понял, что она хотела сказать: «Ты как художник исчерпал себя, а я осталась прежней. Меня теперь будут другие мастера рисовать». Я встал, бросил вазу в стену около Каретиной. Остальное вы знаете.

– Ты бросил вазу в нее или в стену?

– В стену. С трех метров я бы не промахнулся. Скажите, это правда, что лучше бы я ей в голову попал?

– Судя по вашим отношениям – да. Ты бы разбил Луизе голову, но оставил целым лицо. Вряд ли она стала бы на тебя заявление подавать. Из училища бы тебя выгнали за хулиганство, на этом бы дело и закончилось. Паша, скажи, почему ты пошел в училище, а не в художественную академию?

– За Луизой подался, хотел каждый день с ней рядом быть.

– У вас не возникало проблем с БХСС? Вы продавали картины как частные лица, а это, по-моему, незаконно.

– Осмоловский решал все вопросы. Я деньги от него получал, сам с заказчиками о цене не договаривался.

У меня снова зазвонил телефон.

– К задержанному родители пришли, – сообщил дежурный.

– Пусть поднимаются и ждут в коридоре, – распорядился я.

– Родители приехали? – догадался Волков. – Мама опять плакать будет. Проклятая Луиза, все беды из-за нее!

– Паша, тебе не жалко Каретину? То ты боготворишь ее, то проклинаешь. Тебя послушать, так ты ее смерти рад.

– Луиза умерла для меня как муза еще там, в мастерской, в объятиях Осмоловского. Как девушка, с которой можно встречаться, она меня никогда не интересовала.

– Паша, скажи честно: если бы Луиза предложила тебе заняться любовью, ты бы отказался?

– Наверное, да. Наша близость означала бы конец моего вдохновения. Даже если бы она уезжала навсегда, то и тогда бы я предпочел оставить все, как есть, и помнить ее чистой и непорочной. Скажите, вы верите, что я не убивал Каретину? Мне не было никакого смысла ее убивать. Для меня она уже была мертва.

– Зачем ты вчера пошел к ней?

– Я не помню, как у ее дома оказался. Мужики угостили меня «Шипром», я выпил и пришел в себя только в вытрезвителе.

Мы помолчали. Я посмотрел на его понурю фигуру, и мне, честно говоря, стало жалко паренька.

– Мой тебе совет, – сказал я, – на суде очевидного не отрицай, а на следствии лишнего на себя не бери. И еще! Как заедешь в камеру, своего таланта не скрывай. Умение рисовать в неволе ценится очень высоко. Начнешь по заказу сокамерников эскизы татуировок делать – авторитеты тебя на заметку возьмут, понаблюдают за тобой, и если ты им понравишься, то приблизят к себе, примут тебя в свой круг. Будешь татуировками на жизнь зарабатывать. Авторитетам – бесплатно, всем остальным – за чай, а чай в неволе – самая твердая валюта. Словом, проявишь себя как художник – не пропадешь.

Я пригласил в кабинет родителей Волкова и дал им возможность попрощаться с сыном.

6

В понедельник Васильев объявил, что в связи с большим общественным резонансом дело об убийстве Луизы Каретиной будет сопровождать ОУР городского УВД.

– Андрей, ты и Далайханов откомандировываетесь в городское управление до конца расследования.

– Слава богу, что в городское! – сказал я. – В городском нормальные мужики, а в областном – одни пузаны. Ходят – пальцы веером, разговаривают через губу, а как на место происшествия надо выезжать, так сразу у них срочные дела появляются.

– В областное УВД перед пенсией переходят, чтобы оклад побольше был, – напомнил кто-то из оперов.

– Одновременно с переводом у них самомнение о собственных возможностях растет. Был сотрудник так себе, ни рыба ни мясо, а как в областное управление перешел, так он уже ас сысканого дела, мастер оперативных комбинаций.

– Хватит демагогией заниматься! – одернул меня Васильев.

– Согласен, перейдем к делу. Вместо меня и Далайханова кто работать будет?

– Вы, кто же еще! – удивился начальник ОУР. – Не мне же за тебя по району бегать.

– Так всегда! – притворно сокрушился я. – Пошли, Айдар, собираться на чужбину, горький хлеб изгнанников вкушать.

Решение Васильева откомандировать одновременно меня и Далайханова ставило под угрозу процент раскрытия преступлений на вверенной мне территории, зато мне в городском управлении было на кого положиться. С Айдаром мне нравилось работать. Он всегда доводил порученное задание до конца и не боялся самостоятельно принимать решения в сложной обстановке.

Для раскрытия убийства Каретиной в прокуратуре города создали следственно-оперативную группу. Возглавила ее следователь Капустина. От уголовного розыска старшим был назначен Мельниченко, начальник отделения по раскрытию преступлений против личности.

– Сергей Степанович, – обратился я к Мельниченко на первом оперативном совещании, – давайте распределим участки работы. Вы будете представлять и поддерживать контакт с прокуратурой, оперуполномоченный городского УВД Бойко займется матерью Луизы и ее родственниками, а я на себя возьму всю шпану.

– Согласен! – обрадовался Мельниченко.

Представлять, то есть с серьезным видом составлять планы раскрытия преступления, всегда приятнее, чем бегать по городу и допрашивать свидетелей.

– Я – против! – заявил Бойко. – У потерпевшей мамаша вся на понтах, почему это я с ней должен работать?

– Ты солиднее выглядишь, – нашел отговорку Мельниченко. – Вопрос решен! Лаптев занимается молодежью, а ты, Виктор, родителями потерпевшей.

– Если мне достался самый трудный участок работы, то в морг пускай Лаптев едет! – потребовал Бойко.

Я не стал спорить, и мы с Айдаром отправились в бюро судебно-медицинских экспертиз. Труп Луизы Каретиной вскрывал эксперт по фамилии Ласковский, высокий худой мужчина лет пятидесяти.

– Вы ко мне? – спросил эксперт. – У вас же на этой неделе трупов не было.

– Каретина, – одним словом объяснил я наше появление.

– А, вот в чем дело! Начальство решило, что если у вас своих убийств нет, то надо соседям помогать? С чего начнем: с трупа, с результатов вскрытия или с орудия убийства?

– Когда ее хоронить будут? Сегодня? – спросил я.

– Родственники вчера приезжали, но был выходной, и им тело не выдали. Ее родители, – Ласковый посмотрел на часы, – будут здесь через час. Они заберут тело и отправятся в городской морг. Там есть траурный зал для прощания с усопшими.

– Прогрессивно, однако! – сказал я. – Из траурного зала сразу же на кладбище...

– Пошли на покойницу посмотрим, – не дал мне договорить Далайханов.

– На кой черт она нам сдалась? – отмахнулся я, но тут же передумал. – Впрочем, пошли.

Тело Луизы лежало на подставке посреди подсобного помещения в полированном гробу с ручками. Где ее родители достали такой гроб, я даже не представляю. В магазине ритуальных принадлежностей я видел только обитые материей гробы, а тут – блеск полировки, бронзовые ручки – произведение искусства, а не гроб.

Луиза Каретина в свой последний путь была одета в белое подвенечное платье. Черты лица ее заострились, но в целом она выглядела так, как на картине с фламинго.

– Когда я смотрю на похоронные изыски, – сказал я, – у меня всегда возникает желание написать в завещании: «Не вздумайте тратиться на приличную одежду для моего трупа! Мне на том свете в новом пиджаке форсить не перед кем». И гроб с ручками мне не нужен.

– Все так говорят! – хмыкнул Ласковый. – Но как только дело до похорон доходит, каждый старается сделать «не хуже, чем у других».

Он поправил платье на Луизе, полюбовался на нее со стороны, оценил работу санитаров:

– Хорошо ребята постарались. Выглядит как живая.

– Айдар, – сказал я, – поедешь на похороны, затеряешься в толпе, понаблюдаешь за родственниками. Если спросят, кто ты такой, скажешь, что из художественного училища.

– У сильного всегда бессильный виноват! – воскликнул Далайханов. – Сегодня холодно, я промерзну на кладбище. Может, кого другого пошлем?

– Я бы рад послать, но у меня никого, кроме тебя, нет, – ответил я. – Айдар, ты не хуже меня знаешь: кто-то из нас должен быть на похоронах.

Из подсобного помещения, откуда выдавали тела для захоронения, мы прошли в кабинет эксперта. Ласковый сел за письменный стол, я и Далайханов пристроились рядом.

– Начнем с причины смерти, – сказал эксперт. – Смерть наступила от удара колюще-режущим предметом в сердце. Удар был сильным, направленным строго сверху вниз, без отклонений вправо-влево. При ударе лезвие клинка прошло между ребер грудной клетки, не повредив и не оцарапав ни одного ребра. Кто из вас был на месте ее убийства? Кровать, где обнаружили тело, какой высоты?

– Край кровати примерно на уровне колена, – ответил я и тут же решил реконструировать события. – Айдар, ложись на кушетку!

Далайханов занял место на кушетке, я взял у эксперта авторучку, несколько раз «ударил» коллегу в область сердца.

– Вот и я о том! – подал голос Ласковый. – Чтобы нанести сильный удар точно в сердце, не повредив ни одного ребра, надо встать на колени. Из положения «стоя» вертикальный удар не получится.

– На теле больше не было никаких повреждений? – спросил я.

– Ни царапины! Впрочем, нет. На лице есть старый шрам.

– Шрам у нее майский, он отношения к делу не имеет.

– Тогда, кроме проникающей раны груди, других повреждений нет. Девушка при жизни была очень ухоженная: на руках маникюр, на ногах – педикюр. Зубы отбелены специальной пастой. Единственная пломба в коренном зубе изготовлена из импортного материала.

– Как у нее с половой жизнью?

– Ты про девственность или про следы изнасилования? – спросил эксперт. – Половой жизнью девушка жила давно, накануне смерти сексом не занималась. Во всяком случае, материальных следов полового акта я у нее не обнаружил.

– Перед убийством она почувствовала себя плохо и пошла полежать.

– Жди результаты из лаборатории. В своем исследовании я отметил, что у нее слегка увеличена печень, но это может быть реакцией на алкоголь. Теперь поговорим об орудии убийства. Что скажете?

Ласковый выложил на стол предмет, похожий на кортик с коротким клинком и самодельной рукояткой. С одной стороны клинка, перед рукояткой, была выемка для крепления к ножнам, над ней выбита голова в рыцарском шлеме. С другой стороны на клинке были две перекрещенные шпаги и буквы «GB&...». Последняя буква была стерта. Лезвие клинка потемнело от времени, местами заржавело. Рукоятка была изготовлена из пористой пластмассы, накрученной на хвостовик клинка.

– «Крупп-сталь»! – прокомментировал эксперт. – Качественная вещь. Клинком можно гвозди рубить.

– Что это? – спросил я. – Если это кортик, то почему такой короткий?

– Судя по каталогу холодного оружия, это действительно кортик, выпускавшийся в нацистской Германии для офицеров-подводников. Подробнее вам эксперты-криминалисты расскажут, а что до длины клинка, то она была уменьшена кустарным способом.

– Зачем? – не понял я. – Для чего такой предмет может быть нужен?

– Не знаю. Этим кортиком можно только колоть, режущая кромка у него тупая.

– Свиным им заколоть можно?

– Вряд ли. Длина клинка – тринадцать сантиметров. Если свинья откормленная, с хорошей жировой прослойкой, то клинок ей до сердца не достанет. Во всяком случае, я бы не рекомендовал этим предметом свинью колоть.

– Может, – предположил Айдар, – этот кортик кто-то просто так, на память о войне, оставил, без всякой цели.

– Странный предмет, – повертев орудие убийства в руках, сказал я. – Кто-то не поленился заново наточить поломанное лезвие и придать ему первоначальную форму. Подождем, что наши эксперты скажут.

Я вернулся к кушетке, встал на колени, замахнулся кортиком, прикинул, как он должен был войти в тело Каретиной.

– Женщина могла бы нанести им удар такой силы, чтобы лезвие вошло по самую рукоятку?

– Смотря какая женщина, – ответил эксперт. – Моя бы дочь не смогла, силы бы не хватило. А вот Елена Николаевна, которая у нас полы моет, девчонку бы запросто проткнула. В ней, в Елене, килограмм сто живого веса, она полные ведра с водой играючи носит.

– Понятно, – призадумался я.

В морге я расстался с Айдаром, вернулся в городское УВД, зашел в экспертно-криминалистический отдел, поинтересовался результатом исследования отпечатков пальцев, изъятых в комнате Луизы.

– На тумбочке, кроме следов потерпевшей, есть еще отпечатки пальцев, – сказал мне эксперт. – Их оставила некая Лапшина Татьяна. Ее же палец есть на коробке из-под чая. Поверх ее отпечатков пальцев на тумбочке есть смазанный след.

– После Татьяны кто-то еще открывал тумбочку? – спросил я.

– Андрей, не будем гадать на кофейной гуще! Есть две группы следов. Первые – четкие, поддающиеся идентификации. Второй след – поверхностный, смазанный. Человек, который оставил его, спешил. Больше я тебе ничего сказать не могу.

– Как со следами в квартире?

– Их оставили или потерпевшая, или ее мать, или гости. Неопознанных следов пальцев рук нет.

Часов около четырех с похорон вернулся продрогший Айдар.

– Ничего интересного, – сообщил он. – Слезы, рыдания, бабушка Луизы чуть в обморок не упала, пришлось нашатырем в чувства приводить.

– Мать на похоронах была одна или с мужчиной?

– Стоял рядом с ней какой-то молодой человек, но она больше с мужем общалась, с ним и уехала. Муж, кстати, с этим парнем за руку поздоровался.

– Муж с женщиной был или один?

– Он, как приехал с матерью Луизы, так и уехал с ней.

Вечером на подведение итогов нас собрал Мельниченко.

– Записывайте или запоминайте, – сказал он, сверяясь со схемой, составленной Садыковым. – Расстановка гостей за столом в квартире Каретиных. Слева, во главе стола, сидела Шершнева Валентина, восемнадцать лет, лучшая подруга потерпевшей, бывшая ее одноклассница, одно время занималась в творческой студии «Возрождение». В списке участников застолья она будет под номером один. Далее, на диване, номер два – сама потерпевшая. Рядом с ней номер три – Кутикова Светлана, восемнадцать лет. Коллеги, я больше про возраст говорить не буду, так как все они, кроме одного парня, ровесники. Нет, еще одна девушка моложе остальных. Я о ней скажу отдельно. Итак, номер три – Кутикова Светлана, внешне похожая на мальчика, когда-то занималась в студии «Возрождение», покинула ее по собственному желанию. В настоящее время студентка спортивного факультета пединститута. Номер четыре – Чистякова Елена, ей семнадцать лет, она одnogруппница Каретиной. На диване все. Напротив Шершневой, с другой стороны стола, номер пять – Чистяков Андрей, брат Чистяковой Елены. Ему двадцать два года, учится в мединституте. Номер шесть – Долженко Андрей, сидит на табурете слева от Чистякова, напротив его сестры. Учится в техникуме на механика, когда-то посещал студию «Возрождение». Рядом с ним номер семь – Веселов Сергей, одnogруппник Каретиной. Последний участник застолья с этой стороны стола – Лапшина Татьяна, одnogруппница Каретиной. Ей присвоен номер восемь. Все записали?

Мельниченко передал схему Садыкова мне. На ее обороте Федор сделал отметку: «4–6, 7–8, 3–5».

«Это пары, которые уединялись в комнате Луизы, – догадался я. – Лапшина Татьяна, проверившая содержимое тумбочки потерпевшей, была с Веселовым, когда-то поведавшим Волкову о распутстве Каретиной. Начало интересное, будет над чем поработать».

Во время совещания в кабинет Мельниченко позвонил Ласковый и пригласил меня к телефону.

– Андрей, – сказал он, – мы получили предварительные результаты биохимического исследования образцов, изъятых из трупa Каретиной. Экспертиза будет готова позже... Андрей, ты сидишь или стоишь? Если стоишь, то сядь. Новости у меня сногшибательные. Ты приготовился? Слушай: в крови, моче и содержимом желудка Каретиной обнаружен морфий в высокой концентрации.

– Я от слова «морфий» должен в осадок выпасть? – удивился я.

– Можно подумать, что ты наркоманов-морфинистов каждый день встречаешь, – по голосу Ласкового я понял, что он употребил мензурку спирта после окончания рабочего дня и сейчас готов обидеться на любую мелочь.

– Модест Сергеевич, у меня к вечеру чувство юмора тупеет, так что не обращайтесь внимания, – примирительно сказал я.

– Ладно, проехали! – засмеялся в трубку эксперт. – Незадолго до смерти Каретина перорально, с пищей или с напитками, приняла большую дозу морфия заводского изготовления. Не отвара опийного мака, а чистого морфина. Доза была рассчитана настолько точно, что Каретина не вырубилась за столом и не умерла от передозировки, а впала в сонное состояние и уснула на кровати. Как тебе такой поворот событий?

– Где можно достать чистый морфий? – не задумываясь, спросил я.

– На химфармзаводе, в больнице, на медицинском складе войск гражданской обороны. Морфий можно много где поискать, но одно я тебе скажу точно: в аптеки он не поступает.

Я задал Ласковому еще пару вопросов и положил трубку.

– Коллеги, – обратился я к участникам совещания, – у нас новость: перед тем, как потерпевшая была убита, ее привели в бессознательное состояние с помощью морфия заводского изготовления.

– Какой у нас, однако, изощренный убийца, – сказал один из оперов.

– Или два убийцы, – предположил я. – Один хотел отравить Каретину, но не рассчитал дозу, и она осталась живой, а второй ее зарезал.

– В любом случае это кто-то из гостей, – высказался Бойко. – У ее матери алиби на этот вечер, у отца – тоже. Волкова ты сам исключил из числа подозреваемых. Случайный человек в квартире Каретиных отпадает.

– Не будем спешить! – подвел итог Мельниченко. – Для начала опросим всех участников застолья, а уж потом начнем делать выводы.

7

Допрос свидетелей я решил начать с Чистякова Андрея.

«Если он действительно случайный человек в компании Луизы, то ему незачем было убивать хозяйку, – размышлял я. – Разгорячившись после коньяка, он мог бы повздорить с Каретиной. Мог наброситься на нее с кулаками, мог и за нож схватиться, но выглядело бы это как обычная бытовуха: вскочил со стула, схватил первый попавшийся в руки нож – бац в бочину – и весь разговор. У нас же продуманное изощренное убийство, а не застольная склока».

Чистякова я вызвал не в городское управление, а к себе в отдел. В городском УВД для меня с Айдаром отдельного помещения не нашлось, а квартировать у кого-то на положении бедных родственников мне не хотелось.

Свидетель оказался высоким парнем, худощавым, узкоплечим, с длинными руками. У него были карие, слегка навывкате, глаза и тонкие губы. Во время разговора Чистяков периодически досадливо кривился, как прораб, обнаруживший неровную кирпичную кладку на стройке. Вел себя Андрей Чистяков раскованно, временами бравируя своими откровениями.

«Это не он, – с первой минуты допроса решил я. – Этот парень держится так уверенно потому, что у него есть неопровержимое алиби. Ну что же, посмотрим, на чем основана его уверенность».

– Короче, все началось с того, что я поссорился со своей чувихой, – начал он. – Мы встречались полгода. Она временами пробрасывала тему: «Не пора ли нам узаконить отношения?» Я, как мог, отшучивался, и она решила переменить тактику. Накануне демонстрации она говорит: «У меня задержка». Короче, она старше меня на год, учится в том же институте, что и я, живет в общежитии. Я ее как будущую жену никогда не рассматривал. Спрашивается, на фиг мне такая супруга, у которой ни кола ни двора, ни распределения в областном центре? Куда я ее после ЗАГСа поведу? В квартиру к родителям? Я как услышал про «задержку», все сразу же понял и говорю: «Любимая, я с первого класса знаю, что детей не аисты приносят. Если у тебя «задержка», обратись к ее автору, я тут не при делах». Она психанула, обозвала меня «подонком» и ушла зализывать раны. Дело к празднику, а мне податься некуда. У мединститута три общежития. Есть где оттянуться, но ни в одну не пойдешь. В первой бывшая любимая встретит, во второй я вахтершу «старой сукой» обозвал, и она во всеуслышание заявила, что я попаду в общежитие только через ее труп. Третье общежитие на другом берегу, туда ехать – себе дороже будет. Оставалось два варианта: пойти к приятелю на квартиру, посидеть в чисто мужской компании, или остаться дома с родителями. У приятеля все посиделки сводятся к тупой пьянке. С родичами сидеть скучно. Они, как подопьют, начинают о политике рассуж-

дать или стонут, как раньше все было хорошо, а стало все плохо: в магазинах полки пустые, за бутылкой водки надо два часа в очереди стоять. Словом, до вечера 6 ноября я не знал, где буду праздник встречать. Тут сеструха говорит: «Пошли со мной, развеешься, на моих подруг посмотришь». Я обрадовался такой перемене, отдал ей десятку и после демонстрации пошел к Каретиной.

– Тетка, – сказал я свидетелю, – так вы скидывались на застолье?

– По чирику с носа. Если все поровну сдали, то получится восемьдесят рублей. На выпивку и закуску хватит, если продукты в магазине покупать, а не на рынке. У Луизы, как я понимаю, с этим делом был полный порядок – для ее мамы любой магазин с «черного» хода открыт. Мой батя перед праздником купил кусок свинины по три пятьдесят кило и похвлялся целый день, что дешево достал, а Луиза так, вскользь, обмолвилась, что ее мать не смогла сервелат купить. Говорит: «Мама поздно в магазин пришла, блатные уже все расхватали». Вы представляете, о чем речь? Сервелат! В магазине! Если бы мой батяня, выпив пол-литра, такие речи услышал, он бы народ на баррикады призвал, новую революцию против буржуев делать.

– Оставим политику в стороне, – велел я. – Перейдем к застолью.

– Короче, мы встретились с сеструхой и ее парнем около рынка, к Каретиной пришли все вместе. Я как вошел, сразу понял, что родители Луизы деньги до получки не занимают. У нее в прихожей стены финскими обоями оклеены. Шик, блеск, красота! У меня дома стены побелены, а у нее в коридоре – обои! Дальше – больше. В стенке в зале стоял японский телевизор. Не верите? Я сам его видел! Настоящий японский телик. «Сони». Я всю гулянку на него косился, прикидывал, сколько такое чудо техники должно в комиссионке стоить. А магнитофон! Двухкассетный «Филипс»! Захочешь у приятеля кассету переписать, не надо бегать, второй магнитофон искать.

Чистяков посмотрел на меня и, поняв, что увлекся описанием квартиры Каретиных, перешел к размещению гостей за столом. По ходу его рассказа я сверялся со схемой Садыкова, делал пометки о перемещениях молодежи в квартире.

– Короче, все собрались на кухне, покурили, и Валя позвала нас за стол. Меня посадили во главе стола, спиной к окну. Я сам это место не выбирал, я бы где-нибудь в уголке примостился, но друзья-подруги Каретиной быстренько расселись за столом, и мне ничего больше не оставалось, как занять свободное место. Сейчас, задним умом, я благодарю бога, что сидел у всех на виду и на меня даже тени подозрения не может упасть.

– Почему ты так решил?

– После того, как Валя с лошадиным лицом увела Луизу в спальню полежать, я из зала в коридор не выходил. Все выходили, а я на месте сидел, к свободным девушкам присматривался. Выпивал, закусывал, кассеты на магнитофоне переставлял, но мимо спальни не проходил.

– Пройдемся по гостям. Кто где сидел?

– Напротив меня – Валя. Это место, по идее, должна была занять хозяйка квартиры, а села ее подружка. Я вначале подумал: «Что за ерунда, что за скромность?» А потом присмотрелся и понял, что они специально так сели. Валя эта какая-то простоватая, как будто из деревни приехала. Но это все так, для виду. Ей, наверное, неудобно было при посторонних в роли служанки выступать, вот она простушкой и прикинулась. Но в то же время Валя все время подчеркивала, что она лучшая подруга хозяйки и должна ей помогать во всем. Она, единственная из всех гостей, называла Луизу не по имени, а «Лу». Короче, Валя эта все застолье бегала на кухню. Посидит немного, Луиза ей вполголоса указание даст, и она стартует то за закуской, то вилку заменить. Если бы она на диване села, то ей пришлось бы каждый раз человека во главе стола тревожить, а так она выходила и приходила, не причиняя никому неудобств.

– С Валею – Шершневою Валентиной – все понятно, давай дальше.

– На диване сели: сестра около меня, рядом с Валею хозяйка, посередине Кутикова Света, будь она неладна! Вы в курсе, что потом было?

Я на всякий случай кивнул головой, хотя не понял, о каких событиях идет речь: то ли о его уединении с Кутиковой в комнате Луизы, то ли еще о чем, чего я пока не знал.

– Леха, парень моей сестры, сел слева от меня, потом еще один парень, я не запомнил, как его зовут, потом Татьяна, девушка красивая и приятная. У нее не такая броская внешность, как у Луизы, зато она – настоящая. Я непонятно объясняю? Каретина – красавица, слов нет, но она вся манерная, с ней разговаривать неинтересно, да и не о чем, а Татьяна – девочка что надо. Если бы мне довелось кого-то из девушек выбирать, то я бы, не раздумывая, остановился на ней. Короче, о чем я говорю: между двумя красотками напротив меня сидела чувиха с лошадиным лицом, с косой, как у отличницы. Волосы назад зачесаны, лоб в прыщах, некрашенная, одета так себе. Представили картину? Две красавицы, лошадь, и я напротив сижу, глаз положить не на кого. Я прикинул расстановку сил и заскучал, потом думаю: «Всяко бывает! Может, хозяйка напьется и на меня внимание обратит, а может, Татьяна со своим парнем поссорится, и ее некому будет утешить, а тут – я!» Короче, сели за стол, первый тост толкнула Валентина.

Горбунов, не проронивший во время допроса ни слова, не выдержал и спросил:

– Вы за годовщину Октябрьской революции пили?

– Даже мои родители за революцию не пьют, – удивился Чистяков. – Обычно первая рюмка за то, что все собрались за одним столом. Потом пьют просто так, со словами «Ну, поехали», или пьют за здоровье. Когда кровь после пары рюмок разойдется, могут за женщин тост поднять, но это редко. А за революцию какой дурак будет тост поднимать? Тем более в молодежной компании. Первый тост мы выпили за знакомство. Они между собой все знакомы были, так что получилось так, что первый тост за меня был. И вообще это был не тост, а приглашение выпить. Потом начала говорить Луиза, и все, как по команде, стихли, даже жевать перестали. Она говорила о студии «Возрождение», что эта студия вместо творческого подъема стала погружаться в трясину застоя. Луиза так и сказала «застой», чтобы все поняли, что там больше ловить нечего. Короче, суть ее рассказа свелась к тому, что надо отделяться от «Возрождения» и организовывать свою студию. Я смотрю: у гостей это предложение энтузиазма не вызвало. Светлане Кутиковой, по-моему, вообще до фонаря все искусство было, она о чем-то своем думала. А остальные стали поддакивать, типа «да, надо отделяться», но не решительно так соглашались, а для виду, чтобы Луизу не обидеть. Потом была обычная пьянка: включили магнитофон, стали об искусстве говорить, о студии «Возрождение». Кто-то предложил потанцевать, но на улице было еще светло, и стол мешал, так что до танцев дело не дошло. Короче, как всегда на гулянке, гости разбились на мелкие группы. Татьяна, Луиза и Валя стали обсуждать, как им организовать новую студию. Парень Татьяны заговорил с Кутиковой о спорте, а мы, то есть я, сестра и ее парень, – о музыке. У Луизы фонотека – закачаешься! «Модерн токин», «Лэйд бэк», «Джой» – все последние диски на кассетах были. Тут я смотрю: Леха стал пьяненьким прикидываться. Сестра пошла на кухню, по пути Валью с собой позвала. За ними Луиза. Там они все перетерли, очередность установили. Сеструха вернулась, глянула на своего парня и говорит: «Что-то ты опьянел. Пойдем я тебя в комнату отведу. Отлежишься немножко и за стол вернемся».

– Твоя сестра давно с Долженко Алексеем знакома? – уточнил я.

– Вы про «это», что ли? Они давно дружат – месяца три, наверное. Там, на гулянке, собрались все свои и на уединение парочек внимания никто не обращал. Все же понимали, что Леха не напился, а это условность такая: он пьяный, она его полежать ведет. Там даже одеты были все соответствующе.

– Это как? – спросили мы с Горбуновым хором.

– Луиза была в платье, то есть она неприкосновенна. В платье же она не будет на кровати валяться, а времени раздеваться-одеваться нет. Мамаша Луизы не сказала, во сколько точно приедет, вот гости и не стали откладывать хорошее дело в долгий ящик. Короче, хозяйка уединяться в начале застолья не планировала. Из остальных девушек в джинсах была только

Света. С джинсами, сами понимаете, сколько возни будет, а с юбкой проще – если материал не мнется, то и снимать не надо. Даже Валя была в юбке, видать, что-то выгадать хотела, но не получилось: Света опередила. Я до последнего момента...

– Подожди, Андрей, – перебил я свидетеля. – Давай вернемся к уединению первой парочки. Твоя сестра и Долженко ушли. Что остальные делали?

– Я пошел в туалет. Это был единственный раз, когда я вышел из зала в сторону кухни и спальни, где потом обнаружили Луизу. В туалете я слышал шум в коридоре. Стою и думаю: «Если это мамаша вернулась, то надо любым путем задержать ее, дать сестре возможность привести себя в божеский вид». Я вышел, а у входной двери стоит не мамаша, а Луиза. Она посмотрела на меня и говорит: «Дурак». И тут же ушла на кухню. «Дурак» – это не я, а тот, кто остался за дверью, к кому она выходила на лестничную клетку. Потом, после первого допроса, я вспомнил этот момент и пришел к выводу, что это из-за меня Луиза входную дверь не закрыла. Это я своим внезапным появлением сбил ее с толку.

– У тебя есть какие-нибудь предположения, кто был за дверью?

– Однозначно мужчина. Больше ничего не могу сказать. В туалете я пробыл минуты три. За это время Луиза успела выйти на лестничную клетку, переговорить с мужчиной и вернуться. Дальше рассказывать? Я пошел в ванную, а там, бог ты мой, все сверкает, как в операционном отделении. Кафельная плитка до потолка, краны никелированные, полотенца махровые. Я сполоснул руки, стою, на полотенца смотрю и не знаю, каким можно воспользоваться. У нас дома какое полотенце под руку попало, такое и бери, а тут, черт его знает, какие в этом доме порядки. Пока я думал, Луиза позвала на кухню Валю. Та спрашивает: «Кто это был?» Каретина отвечает: «Да так, ерунда». И дальше – шу-шу-шу, они на шепот перешли. Я вытер руки о штаны, пошел в зал, сел возле стенки, стал кассеты перебирать. Почти все они были со штампом звукозаписи, то есть Луиза предпочитала в киоске звукозаписи кассеты покупать, а не самой записывать. Чудно, правда? У нее японский двухкассетник есть, а она деньги на покупные кассеты тратит. Потом я заскучал, сел за стол и, пока все отвлеклись, налил себе полную рюмку коньяка и выпил. Вернулись сестра с парнем, все сели за стол. Опять начался разговор о новом творческом объединении, об уходе от старого наставника. Все выпили, и тут Луизе стало плохо. Она как-то обмякла, прямо на глазах поплыла. Я еще подумал: «Как ей, однако, шампанское в голову ударило!» Валя заметила, что с хозяйкой плохо, спрашивает: «Лу, ты как, нормально?» Каретина отвечает: «Пойду минутку полежу, а то что-то голова кружится». Валя увела Луизу в спальню, и за столом стало веселее. Без хозяйки гости расслабились: я с Лехой коньячка накатил, Татьяна со своим парнем уединились, остальные девушки расселись с другой стороны стола и что-то стали обсуждать, но не новую студию. После ухода Каретиной о новой студии никто не вспоминал. Потом мы еще выпили, и Леха позвал меня в кабинет посмотреть на портрет полуобнаженной Луизы. На самом деле он захотел приколоться, послушать, что там, в комнате Луизы, происходит. Леха даже ухом прильнул к двери, засмеялся и показал мне большой палец: «Класс! Сам послушай!» Мне эти охи-вздохи даром были не нужны, и я вернулся за стол. Выпил и чувствую, что мне похорошело: Валя уже не такая страшная стала, и Света вроде бы ничего, если присмотреться. В отсутствие хозяйки гости расслабились, стали бродить по квартире, на кухню покурить раз за разом бегали. В какой-то момент смотрю, Валя налила себе коньячка, выпила и стала мне глазки строить. Я догадался, на что она намекает, хотел к ней подсесть, но тут Татьяна вернулась и заняла место рядом с Валей. Чувствую: облом! Последний шанс из рук уплывает, и в этот самый момент Света говорит: «Пойдем, я тебе кое-что покажу». Мы вошли в кабинет, она стала про фламинго на портрете с Луизой рассказывать, про тени какие-то, но я-то чувствую, что не в птицах дело. Я говорю: «В той комнате ничего интересного нет?» Она улыбнулась и отвечает: «Пошли посмотрим». Как только мы вошли и закрыли за собой дверь, я стал целовать Свету, усадил ее на кровать, пуговички на батнике расстегнул. Замечу, не зря столько анекдотов придумано про водку и некра-

сивых женщин! Когда я трезвый на Свету смотрел, она мне показалась самой невзрачной из девушек: грудь плоская, стрижка под мальчика. А как коньячка выпил, так у Светы округлости появились и сама она похорошела. Словом, если бы не коньяк, я бы с ней уединяться не стал.

– Не отвлекайся! – велел я.

– В самый разгар прелюдии Света дернулась и говорит: «Надо посмотреть!» Открыла ящик в прикроватной тумбочке, какую-то коробку достала, ничего в ней не нашла и как-то поскучилась. Я еще подумал: «Что можно искать в такой момент? Презервативы?» После картины с обнаженной Луизой я бы не удивился, что у Каретиной в прикроватной тумбочке на всякий случай резинки лежат. Короче, пока я возился с застежкой лифчика, пока уломал Свету батник снять, в другой комнате Луизу обнаружили. Нашла ее моя сестра. Она как увидела кровь, так и завопила! Клянусь, я даже не представлял, что она способна так визжать – прямо кровь в жилах стынет! Вы фильм «Зловещие зомби» видели? Там женщина визжит, когда к ней живой мертвец приближается. Визжит она пару секунд, а моя сестра вопила, пока ей Леха рот ладонью не закрыл. Я, как услышал вопли, выбежал в прихожую, заглянул в спальню, а там – Луиза на кровати лежит с ножом в сердце. Мне кто-то говорит: «Андрей, ты же врач, помоги Луизе!» А чего там помогать? У нее в груди нож воткнут по самую рукоятку. Я потрогал ее – мертвая. Говорю: «Вызывайте милицию, “Скорая” ей уже не поможет».

– Вернемся за стол. Ты уверен, что Валя решила остаток вечера провести с тобой?

– Сто процентов! Я же не в первый раз в молодежной компании отдыхаю. Еще немного, и я снял бы Валю, да Света решила ей рога наставить и меня перехватить. Была бы Валя поинициативнее, я бы с ней ушел, а так меня Света увела.

– Еще вопрос, личного плана. Твоя сестра с парнем...

Я замолчал на полуслове, подбирая подходящее выражение, но Чистяков догадался, о чем я хочу спросить.

– А, вы об «этом», – засмеялся он. – Наша Лена рано повзрослела. В школу пошла с шести лет, в училище поступила на год раньше сверстников. Во сколько лет она «любовь» познала, я сказать не могу, но когда она училась в девятом классе, я подслушал ее разговор с матерью. Мама говорит: «Принесешь в подоле, я с твоим выродком нянчиться не собираюсь». Это было два года назад, даже больше.

– Тезка, как ты думаешь, кто мог совершить убийство?

– Никто! У Каретиной собрались ее друзья, зачем им надо было убивать хозяйку, да еще так демонстративно? Если по фильмам судить, то убийца всегда нервничает, у него руки дрожат, а тут ничего подобного не было: две парочки только и думали о том, как бы уединиться, а остальным гостям... Мне точно никакого смысла убивать Луизу не было. Я в тот день увидел ее в первый раз в жизни.

– Я переформулирую свой вопрос, – сказал я. – На кого из гостей ты бы подумал, если пришлось бы выбирать только из них?

– Пожалуй, на Свету, – ответил он после долгого раздумья. – Она весь вечер была какая-то зажата, о чем-то своем думала, а потом меня в комнату Луизы повела. Может, алиби хотела создать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.